

ЕКАТЕРИНА СОЛОВЬЕВА

УЛЫБКА БОГА

В ОСНОВЕ ВСЕГО ЛЕЖИТ ВЕЧНАЯ
БОРЬБА МЕЖДУ ДОБРОМ И
ЗЛОМ

Екатерина Соловьева
Улыбка бога

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11060617
ISBN 978-5-4474-1442-9

Аннотация

Что делать, если у бога началась депрессия? Что за страшные тени встают за спинами людей и какое ко всему этому имеет отношение рыжий кот? Эти и другие загадки придётся разгадать Ираиде на пару с новым другом Глебом, который только что покончил с собой, и полозом Янтарём, обратившимся в человека, однако, за отгадки придётся дорого заплатить...

Содержание

Пролог	5
Глава 1.	9
Глава 2. В свободном падении	13
Глава 3.	17
Глава 4. Багряные плащи	23
Глава 5.	28
Глава 6.	40
Глава 7.	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Улыбка бога
В основе всего лежит вечная борьба
между добром и злом. И борьба
эта не прекращается ни минуту
Екатерина Соловьева

© Екатерина Соловьева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Выражаю благодарность всем, кто помогал и поддерживал: Горация, Елена Виноградова, Seidhe и amyki, Катерина Скойбедо и Имп, Keyn Tror, Лирабет и Kyona d'ril Chath, Iris Sarrd и Old Fisben. Благодарю Прозорова Льва Рудольфовича.

Пролог

Полуденное солнце поднялось в зенит над Тарпасским заливом. Горячий ветер принёс новую волну зноя с Внутреннего моря. Одуревшая от жары чайка сорвалась с утёса и сделала круг над безлюдной гаванью. Из-за мёртвого штиля здесь который день теснились греческие и египетские корабли, гружённые рабами и ливанским кедром. Птица взмыла над бухтой, летя над великолепным Картхадаштом, раскинувшимся в изумрудной долине, обогнула опустевшую рыночную площадь и храм с белыми колоннами, снизившись только у фонтана. Она набирала воду в клюв и пила, не замечая смуглого курчавого паренька в замызганной набедренной повязке. Убедившись, что улица пуста, юноша подтянулся и быстро перемахнул через высокий забор. В саду царила послеполуденная тишина: по слухам, ювелир отбыл за новыми инструментами в Тир. Парень пал на колени между финиковыми пальмами и виноградными лозами, горстями складывая плоды за пазуху. Руки воришки дрожали от голода, он то и дело совал в рот фрукты и, почти не жуя, глотал. Он так увлёкся, что не заметил, как солнце накрыла объёмная тень. Грабитель с удивлением выплюнул финик, освободив рот для крика: его схватили за ухо, зацепив густые волосы.

– Попался, вор! – радовался дородный хозяин, волоча орущего юношу в дом.

Парень пытался пасть на колени и целовать руки в перстнях:

– Молю, досточтимый Ханон, не бери греха на душу! Прости недостойного...

– Откуда ты знаешь меня? – оборвал бородач, хмуря густые брови из-под чалмы.

На солнце блеснула белозубая мальчишечья улыбка:

– Кто ж не знает Ханона-ювелира по прозвищу Золотые руки? Сам Гнилой Нос не смеет тронуть любимца Совета десяти!

– Откуда ты родом, вор? – строго спросил Ханон.

Воришка опустил курчавую голову:

– Персидское царство...

– Скажи своё имя, вор, чтобы я мог назвать его суффету, когда палач отрубит тебе руку...

Парень пал на колени, отбивая низкие поклоны:

– Смилуйся, почтенный Ханон!

– Имя, вор! – громыхнул ювелир.

– Даштан, почтенный Ханон...

– Беспутный варвар! На твоём языке это значит «хранитель», не так ли?

Воришка низко опустил курчавую голову.

– Кто же твой отец?

Парень молчал. Язык не поворачивался рассказать о том, как пару лет назад безусым юнцом сбежал на поиски приключений и славы, прихватив с собой краюху хлеба и отцовскую саблю. Он направился в страну, знаменитую мореходами, звездочётами и несметными сокровищами. А, добравшись, долго бродил по городу, глаза на мачты судов в бухте, дивясь храмам с белоснежными колоннами, пестроте базара и роскошным носилкам, в которых проезжали вельможи. Лишь минуя удушливую красильню, он шарахнулся от воинов в багряном: в недоброй улыбке одного из них на мгновение почудились акульи зубы. Когда село солнце, выяснилось, что юный оборванец никому не нужен в чужом незнакомом городе. Даштану мучительно хотелось вернуться домой, но стоило представить победный взгляд отца, чтобы твёрдо решить остаться. Последний хлеб скоро кончился, а саблю пришлось продать за пару золотых, которые утекли, как вода сквозь пальцы. Потом были долгие скитания по трущобам, когда большеглазый юноша, стыдясь, тянул к прохожим руку за подаяннем, и всё, что заработал, отдавал главарю банды попрошаек – отвратительному коротышке по прозвищу

Гнилой Нос. Не было больше ни дома, ни семьи, ни будущего. Дни почернели, и Даштан уже подумывал броситься с обрыва в море, прямо на камни, да решил полакомиться напоследок.

– Что же ты молчишь, вор? – сурово спросил ювелир.

Быть может, полуденное солнце напекло мальчишке голову, а может, доконал жестокий голод, юнец вдруг покачнулся и упал. Из рук с глухим стуком посыпались финики.

Ханон задумчиво смотрел на сомлевшего мальчишку и теребил бороду, умахённую с утра вендийскими благовониями. Любой, кто знал его, сразу бы понял: он принимает важное решение.

Следующим утром Даштан, не веря своему счастью, подметал в мастерской, разжигал очаг и чистил формы. Гнилой Нос не тронул его, побоявшись гнева Совета, благосклонного талантливому ювелиру. Через месяц Ханон позволил пареньку наблюдать за своей работой: из-под умелых рук выходили дивные вещи – изукрашенные драгоценностями рукояти мечей, ножны, кольца, фибулы, браслеты. А спустя ещё месяц Даштан сам корпел над заготовками и огранкой. Поначалу работа давалась с великим трудом, юноша принимал её, как наказание свыше. Но однажды в мастерскую вошла дочь Ханона, Элисса, и юному подмастерью почудилось, будто взошла звезда на ночном небосклоне – с тех пор гарды и оправы так и горели под его пальцами.

Даштан так и звал её – Ситора, что на его языке значило «звезда», и тому были причины. Глаза её – два бездонных колодца, волосы – дорогой вендийский шёлк, а когда она улыбалась, всё вокруг озарялось волшебным светом. Влюблённый юноша ковал для неё ожерелья и гребни, серьги и застёжки. В саду под пальмами они вместе растили алые розы, и когда он держал руку девушки в своей, ему грезилось, что в один прекрасный день прекрасная Элисса назовёт его супругом.

Однажды вечером, возвращаясь от ткача с заказом и полотном для Ханона, Даштан услышал какую-то возню в храме верховного бога Эла. Пробравшись меж колоннами, он увидел на алтаре Ситору с другим. Сердце юноши почернело от горя, а рассудок помутился. В страшной ярости подмастерье схватил светильник и убил обоих. Он бил их так долго, что через мясо проступили кости, а сам он весь промок от крови. Но и это не утолило безумного гнева: Даштан разбил все статуи в храме, расшвырял утварь и подношения – так ему было больно.

В ту же ночь, ослеплённый горем, он бежал из города, опасаясь мести Ханона. Удача покинула юного подмастерье – сразу за городской стеной напали разбойники, но он был так зол, что уложил на месте четверых. Впечатлённые бандиты приняли юношу в шайку. От них-то он и узнал о странных обычаях жителей Картхадашта. Они совершали страшный молх – приносили в жертву богам-адунам младенцев – таким был их нерушимый договор с Элом, верховным адунем. Лишь спустя десятилетия они испросили милости отдавать вместо ребёнка глиняную статую. Финикийские женщины же раз в год должны посещать храм, чтобы соединиться с любым мужчиной, который там окажется. Картхадаштцы, как могли, пытались сохранить свою расу, но разгневанный Даштан и слышать ни о чём не хотел. Он быстро освоился среди бандитов, и, подстроив убийство главаря в очередном налёте на караван из Вавилона, стал вожаком. Шайка скоро окрепла, засев в катакомбах под городом, и подчинив себе все местные банды, включая попрошайек Гнилого Носа. Лиходеев Даштана боялся сам Совет десяти, выставляя по ночам двойное кольцо стражи вокруг дворца, а матери пугали его именем непослушных детей. На это были весомые причины: они не щадили ни старого, ни малого – тех женщин, что не пожелал вожак, продавали в рабство вместе с мужчинами и детьми, нередко убивали всех сразу.

Сам Даштан не помнил, когда Ситора стала приходить во снах. Должно быть, это случилось после того, как он принудил пятерых египетских купцов убить своих жён, обещая, что отпустит их детей, если родители исполнят приказ. Скрепя сердце, мужья закололи

супружниц, но разбойник не сдержал слово, бросив детей в яму с крокодилами. С интересом наблюдая, как обманутые торговцы рвут на себе дорогие парики, Даштан заметил:

– Отцы не должны хоронить своих детей.

После чего швырнул купцов в ту же яму. Ему потом ещё долго виделись их глаза, полные страха и боли. После того случая разбойники присовокупили к его имени прозвище Хезед – Милосердный.

Подельники каждую ночь будили вожака. Они жаловались, будто он кричал так, что мертвецы вставали из могил. Ситора являлась ему и молила остановиться. Даштан страшно бранился, поминая злого Анхрэмана и пытаясь дотянуться до неё, чтобы убить вторично, но не мог, и от бессилия приходил в бешенство. Девушка говорила, что всё ещё любит его, и глаза её были полны слёз. Она повторяла: «Важно, чтобы ты остался человеком, а не стал исчадием Тьмы. От тебя уже пахнет смертью и миром «сожранных». Поминая Ситору последними словами, Даштан даже заплатил одному колдуну-мавр, чтобы тот избавил от её визитов. Но мавр, даже не взглянув на золото, бросил лишь взгляд на вожака, пробормотал что-то невнятное, и скрылся.

Кошмары разбойника продолжались, ему пришлось спать в одиночку, ибо подельники так и не сумели привыкнуть к жутким воплям. Постепенно он начал понимать, отчего ему так страшно видеть Ситору: в его сердце не угасла любовь к ней, и он ненавидел себя, виня во всём этом только её. Дочь Ханона оказалась права: со временем Даштан учуял странный запах, исходящий от его тела. Так смердели душевные красильни, где рабы соком моллюсков превращали белые полотна в яркий пурпур, и когда-то его так напугали незнакомцы в багряном. Так смердеть могло только зло, которым юноша пропитался до кончиков волос. Но это было только начало. За жестоким вожаком неотступно, как демон, следовала жуткая тень. Подельники стали чураться его, чертя пальцами охранительные знаки: Даштан пугал даже их длинными острыми зубами, выросшими за несколько лет. Ужасу бандитов не было предела, когда они застали, Хезеда за поеданием пленников живьём; окровавленный, он упиался их криками. Его не раз пытались свергнуть, но он всегда подавлял мятежи и жестоко казнил зачинщиков. Лишь однажды разбойникам удалось подпоить ненавистного главаря и бросить в пустыне.

Много дней бродил обожжённый солнцем Даштан по горячим пескам, изнывая от жажды, пока во сне ему вновь не явилась Ситора и не указала путь к оазису. Напившись воды, юноша увидел своё отражение и закричал от ужаса: на него смотрело настоящее чудовище.

– Ещё не поздно, – молила во сне девушка. – Нужно лишь твоё раскаяние.

Этой ночью под звёздами мёртвой пустыни Даштан родился заново. Он упал на колени и долго молил о прощении. В сердце его, наконец, настал мир, он принял свою любовь к Ситоре, ужаснувшись всему, что натворил. Раздирая на себе дорогую одежду, юноша горячо поклялся в вечной преданности убитой девушке, и в том, что во имя любви искупит все свои, а также и все людские грехи.

Ранним утром его разбудили сирийские караванщики. Даштан обменял златотканую одежду на изношенный хитон и отправился вместе с торговцами. Тысячи тысяч дорог он исходил, отдавая нищим последний хлеб, несметное количество золота заработал, выполняя самую чёрную работу, выкупая рабов на вырученные деньги. Везде, где только мог, юноша помогал строить храмы и выхаживать тяжело больных. Всякий раз, когда люди хотели узнать его имя или увидеть лицо, Даштан скрывался, боясь напугать жуткими зубами. О нём складывали сказки и легенды, будто лик его столь прекрасен, что праведник прячет его из опасения ослепить им.

Прошло много лет, прежде чем человеческий облик вернулся к нему – спина юноши согнулась, зубы выпали, курчавые волосы побелели. Но и старость не помешала Даштану

дарить тепло людям: прекрасная Ситора покинула его сны, но пылкая клятва, заклеимённая в его сердце любовью, побуждала творить добро. И сутулый человек в изношенной тоге брёл по бесчисленным дорогам, подавая руку отчаявшимся и защищая слабых. Он не замечал, как миры под его ногами сменяли друг друга. Иногда по ночам старик горько плакал о том, как много нужно ещё сделать, и как коротка его жизнь.

Однажды он наткнулся на ту самую шайку злодеев в багряных тогах, мучающих серого кота. К ужасу Даштана все они обладали острыми зубами и уродливой тенью за спиной – всем тем, что было когда-то и у него. Вспомнив чёрные дни разбойничества, старец вступил с ними в ожесточённую схватку. Чудом ему удалось прогнать их, но спасти животное он не успел.

«Умер Хранитель, пуста его обитель...» – раздался над головой хриплый голос.

Даштан задрал седую голову и увидел в небе чайку.

Глава 1. Чёрные перья

Утро Ираиды Бартеневой началось с того, что она нашла на подушке перо. Широкое, длинное, иссиня-чёрное, оно перечёркивало белую наволочку в мелкий синий цветочек надвое. На мягком облаке из холлофайбера дремала загадочная тень. Если бы Ида знала, что с этого момента вся её жизнь разделится этим пером, как чёрной линией, на «до» и «после», она бы занервничала или испугалась. Но женщина пока ни о чём не догадывалась. И поэтому она взяла перо в руки и с сонным удивлением уставилась на капельки росы, дрожащие на блестящих волосках. Окно она не открывала с сентября, неплотно закрытая форточка забрана куском старого тюля.

«Вот те на... Откуда оно?»

Ираида осторожно понюхала находку, которая, казалось, ещё бережно хранила запахи владельца: влажных листьев и мокрой травы. И тут, как всегда неожиданно, заорал будильник. Женщина вздрогнула, чертыхнулась и отправилась в душ.

«Какие птицы бывают чёрными? Сороки? Чёрно-белые. Вороны? Серо-чёрные. Галки? Мелкие. Грачи? Улетели», – перебирала она, умывшись и заливая кипятком гранулы кофе.

«Вылезло из подушки!» – выдала она самую нелепую версию, и, как ни странно, немного успокоилась.

Женщина добавила сахар в кофе и с удовольствием отпила глоток. Несмотря на столь ранний час, на стене, выложенной голубым кафелем, играли солнечные зайчики. К новой квартире своей Ида ещё не привыкла и не обжила, но уже безмерно любила. На кухне уже висели уютные занавески, красные в белый горох, а стена в меньшей комнате увешана работами Равенны и некоторыми удачными своими. От прежних хозяев остался лишь чужой запах, который Ида старательно вымывала каждую неделю. Она подумывала завести кота или кошку, чтобы было не так одиноко, но пока не решалась: ей хотелось побыть наедине с собой после развода и переезда из маленького городка.

Квартира эта ассоциировалась у женщины с тёткой, Марьей Георгиевной, родной сестры её матери. Она любила, чтобы её называли именно так – Марья, а не Мария. Ида очень любила её, особенно радуясь приезду из далёкого Саратова в детстве. Две родные сестры, были на удивление разными. Старшая, властная и неугомонная Вера, младшая, молчаливая и замкнутая Мария.

Ребенком Ида за несколько дней готовилась к долгожданному визиту тёти, каждый раз выдумывая в подарок что-нибудь новое: то игольницу в виде ромашки, то колечко из проволоки. Женщина покрутила в руках чашку и вспомнила, как держала почти такую же «тётка Марья» – пухлые пальцы в синих венах подрагивают, когда тонкие губы касаются фарфора, голубые глаза приятно щурятся, на блюде печенье с глюкозой.

– Ягодка моя, – улыбалась она, глядя Иду по голове, – расти большая, красивая! Длинная коса – Идина краса, румяные щёчки у Иридошки-дочки...

Марья Георгиевна, которая страдала диабетом, а потому не могла иметь детей, обожала свою племянницу, привозя ей книжки с волшебными сказками, игрушечный домик с маленькими человечками или просто сладости. Ида вспоминала с нежностью запах мятных карамелек, специальных конфет для диабетиков, которыми часто пахло от тётки, ими она регулировала процент сахара в крови. А резкий дух спирта, которым Марья Георгиевна протирала кожу перед инъекцией инсулина, накрепко связался у девочки с тревогой.

Став старше, Ида стала сдерживать свои чувства к тётке, чтобы не обидеть мать, которой внимания доставалось меньше. Но Вера Георгиевна, либо не замечала, либо не прида-

вала значения тёплой дружбе дочери и сестры. Со временем радостные встречи с далёкой гостьей прекратились. А однажды раздался тревожный звонок, после которого Ида с матерью спешно выехали в Саратов.

В квартире Марьи Георгиевны пахло, нет, вовсе несло валерьянкой. С тех пор Ида стала бояться и возненавидела этот запах – он всегда ассоциировался у неё со смертью – холодной, безжалостной и неумолимой, как древнегреческий Танат. Женщина, лежащая в гробу, совсем не походила на ту Марью Георгиевну, которую знала Ида. Та была полнее и больше, а эта... будто высохла, будто кто-то досуха выпил из неё жизнь.

Ираиде тогда почудилось, что мир значительно потемнел, будто задули свечу. На похоронах царило молчание, только спяну выла белугой дальняя родственница да шлёпались за окном мокрые комья снега. Марья Георгиевна передала по наследству свою квартиру племяннице. Спустя три года Ида продала её и купила «двушку» в другом городе, досыта нажившись перед этим в съёмных. Женщине порой казалось, что тётка вложила часть себя в эту квартиру, как светлую память – настолько здесь было тепло и уютно и всё напоминало о мятных карамельках и молчаливой улыбке.

Ида поставила чашку в мойку и отправилась одеваться.

Из зеркала в прихожей смотрела тридцатилетняя женщина среднего роста. Красивые синие глаза обрамляли короткие густые ресницы. Над тонкими губами крыльями расходился аристократичный нос. Талия уже начала расплываться, как выражалась сама Ида от «вольной жизни», но в остальном с фигурой, затянутой в чёрный дерматиновый плащ, всё было в порядке.

Прямые тёмно-русые волосы Ида всегда старалась забирать в аккуратную шишку на затылке, из-за чего всегда казалась старше своего возраста. Конский хвост – слишком по-детски, заколка – сползает, распустить – потом не расчешешь. Оставалась только классическая шишка, которая даже придавала солидности.

Ида вздохнула и поспешила на остановку, где кучковались жёлтые и белые, как цыплята, маршрутные такси.

По запотевшему стеклу сползали дрожащие капли. Несмотря на ранний час, салон маршрутки был пропитан перегаром и вонью немытых тел. Ида закутала нос в надушенный шейный платок, и снова отвернулась к окну.

В сумерках сонного утра серая громада хлебозавода казалась одной из башен тёмного Барад-дура, жёлтый прожектор на самом её верху – просмоленным факелом, а мрачные силуэты труб – свирепыми троллями-дозорными, сжимающими алебарды и сурово вглядывающимися вдаль.

Маршрутка подпрыгнула на очередной колдобине, Ида взлетела над креслом и упала в него обратно.

«Проклятье! Да когда же наступит зима, чтобы можно было ездить по ровным дорогам, без опасения выбить себе зубы?»

– У кинотеатра остановите, – манерно попросил мужчина с правого бокового сиденья. Ида не смогла сдержать улыбку.

«Геи такие забавные, – подумала она, – мне никогда их не понять».

Расплатившись и выскочив на тротуар, женщина бодро зашагала к редакции. Путь пролегал через старую аллею с древними уродливыми вязами и липами, расставленными веерами. Тропинка вывела на улицу Вязовского. Ида застучала каблуками ботинок по недавно уложенному асфальту.

Октябрь выдался сухим и странно ласковым. Берёзы, казалось, светились изнутри и гордо шелестели золотыми подвесками листьев на фоне ярко-голубого неба. Пунцовые наряды осин неторопливо перебирал ветер, даря прохожим рубиновые аграфы на шляпы и пальто. Лимонно-охряные тополя секретничали с неработающими фонарями и линиями

электропередач. Тающее тепло передавалось и прохожим: какая-то нежная печаль читалась на лицах и в глазах.

Бархатная осень в самом разгаре царила в городе.

«И никаких тебе чёрных перьев и тумана», – подумала Ида.

Женщина пересекла пешеходный переход и зашла в редакцию, которая находилась в арке длинного жилого дома.

Работы было хоть отбавляй: уйма горожан, желающих дать частное объявление (шестьдесят рублей штука) набежала с самого утра. Бартеневой порой казалось, что они никогда не кончатся: первый, второй, третий, четвертый, пятый... двадцатый. А так хотелось горячего крепкого чаю и тишины! Справа сидел мрачный Игорь Суманов, хмуро отбивая чек на кассовом аппарате, слева красавица Анька бодро рисовала значок повтора на шаблоне газеты, и новенькая блондинка Юля, почему-то краснея, принимала факсом макет от мебельной компании. В соседней комнате не прекращался дробный стук: девчонки-наборщицы без усталости долбили по клавиатуре, набирая тексты объявлений. Изредка слышался сдавленный мат дизайнеров: Коляна и Наташи. Ковалёва, которую Ида старалась по возможности избегать, как обычно, капала сплетни в ухо Наде Лопаревой. Очень Ираида недолюбливала Ковалёву, уж слишком та увлекалась подхалимажем перед директором и любила позлословить за спиной. На её совести имелись: докладная на Наташу Сольку, якобы за отказ принять клиентский заказ, высосанный из пальца донос на Аньку, ссора между Таней и Вероникой, которая впоследствии уволилась. Ида ещё терпела, когда Ковалёва присваивала себе её работу, но когда эта нагламуренная девица прямо при Сергееве сваливала свою вину на неё... Кроме того, Ковалёва обладала крайне неприятной привычкой хвататься за самого человека и его вещи без спроса. При этом лицо её, симпатичное, превращалось в маску, изуродованную жестокой ухмылкой. И даже в смехе слышалась какая-то искусственность, деревянность, которая наводила на неприятную догадку, что смеётся это кто-то другой, а не человек.

Наконец, пробил долгожданный час обеда, когда Иду подменила другой менеджер – Танюша. Запивая на офисной кухне два зелёных яблока крепким горячим чаем, Ираида была почти счастлива: когда люди наваливаются вот так, толпой, матерясь из-за каждого пустяка и оскорбляя друг друга, они становятся просто невыносимыми, а вот по одиночке они милые и вежливые. Стрелки на круглых настенных часах переместились к цифре «2», Ида икнула и с сожалением вернулась на своё рабочее место.

Взгляд женщины упал на клавиатуру. От клавиши «Q» до «>» чернело гладкое блестящее перо.

Ираида покусала нижнюю губу и оглядела приёмную редакции: все клиенты, как школьники, кропотливо заполняли бланки, склонившись над столиками. Суманов угрюмо пересчитывал деньги, чтобы сдать кассу, Юля спорила с кем-то по телефону, Ольга Авдеева сосредоточенно составляла списки клиентских баз. Ни единой улыбки или смешка. Женщина глубоко вздохнула и сунула перо в корзину для мусора.

К концу рабочего дня – шести часам вечера поток клиентов иссяк. Ида закончила отчёт и заметила какое-то движение у входной группы редакции. Женщина вышла из-за высокой чёрной конторки и заинтересованно подошла к дверям.

«Рыжий кот. Рыжий кот. Что значит рыжий кот?..»

Крупный, старый, в тигриную полоску, глаза цвета спитого чая – печальные и усталые, на правом ухе засохшая бурая короста. Он сидел на площадке перед стеклянной дверью офиса и смотрел на женщину, будто что-то хотел сказать.

– Пшёл вон! – сердито рявкнул Суманов.

Кот не спеша, поднялся, словно принимая неизбежное, и деловито удалился.

Суманов резко дёрнул дверь и сбежал по ступеням с крыльца, с силой стиснув в зубах сигарету.

«Получил за вчерашнее от Сергеева», – машинально отметила про себя женщина.

Суманов забыл обновить в газете важную информацию весьма капризного салона красоты, за что и расплачивается сейчас нервами, а потом и штрафом. Сергеев Виктор Юрьевич был директором строгим, но справедливым. Внимательность и ответственность – всё, что он требовал от работников.

«Нужно завтра взять сарделек для этого кота», – отметила про себя Ида.

А ночью ей приснился странный сон.

Туман белым саваном окутывал мрачные ели и мокрые сосны. Лес сбросил червонную позолоту, которая обратилась в мягкий ковёр сладковато пахнувшей гнили, и чавкала под тонкими сапогами. Узкая тропка, усыпанная рыжей хвоей и сломанными ветвями вела к идеально круглой поляне. Здесь царила тишина. И неясная скорбь.

Жухлая охряная трава притоптана, но в центре, где темнел коричневый ствол громадного одинокого дерева, толстые зелёные стебли разрослись до невероятных размеров. Ида рискнула подойти ближе к гиганту – чтобы только обойти его понадобилось бы не менее получаса. Было в этом дереве ещё что-то неуловимо странное, а что, она понять не могла. Ветви чудовищного исполина уходили высоко в кисельно-влажные облака.

Печалью веяло здесь, как в зубной поликлинике пахнет страхом и камфарой.

– Кетер... – заплакал кто-то.

– Ацилут... – печально отозвался второй.

«Здесь ответы на все вопросы», – явилась в голову странная мысль.

Внезапно Ида услышала сзади треск ломаемых сучьев: кто-то пробирался сквозь лес, чтобы добраться до неё. Зашумело справа, затем слева. Их было много, и она откуда-то знала, что преследователи, кто бы это ни был, убьют её, если настигнут. Женщина попробовала бежать, но не смогла сдвинуться с места: будто нечто держало её. Ида в панике задёргалась сильнее, кусты и деревья трещали всё громче и громче – опасность совсем уже близко. Громко зашуршали сухие листья под чьими-то ногами. Почувствовав, что за спиной кто-то есть, от страха женщина заорала не своим голосом и...

Проснувшись посреди ночи, Ида тяжело дышала – гнетущие ощущения сна давали о себе знать. Выпив стакан воды, она вернулась в постель и надёжно закуталась в одеяло.

Утром на подушке вновь покоилось перо.

Глава 2. В свободном падении

*Но это просто рубеж, я к нему готов
Я отрекаюсь от своих прошлых снов,
Я забываю обо всём, я гашу свет.
Ночные снайперы, «Рубеж».*

Глеб Новиков решительно повернул ключ. Дверь скрипнула, открываясь, и впуская хозяина. Девятнадцатилетний парень вошёл, машинально захлопывая створку и слушая, как гудит кем-то вызванный лифт. Глеб выронил спортивную сумку, и устало побрёл в зал. Он миновал огромное зеркало в коридоре, и не заметил кучку чёрных перьев на тумбочке, не заметил, как бледны его и без того обычно белые щёки, оттеняющие тёмные коротко стриженные волосы. Правая скула уже опухла от удара и начала наливаться синевой. Карие, далеко посаженные глаза, не видели перед собой ничего, кроме перекошенного от злобы и отвращения лица Егора. Глеб буквально упал в мягкое кресло и закрыл лицо руками. Он сидел так довольно долго, стараясь не отнимать пальцев от век и левой скулы: возвращаться в привычный жестокий мир было невыносимо.

«Ведь я боролся! Сколько я боролся! – в отчаянии подумал Глеб. – Сколько я молчал, врал и обманывал! Всех! Всех! Их, себя... Всё зря...»

Хуже всего то, что я больше никогда его не увижу. У меня никогда не было друга лучше, и именно его угораздило обнять...»

В университете они действительно сдружились сразу: общие интересы, компьютерные игры, футбол, научная фантастика, история. Их прозвали «шахматами» за цвет волос: чёрные у Глеба и белокурые у Егора. Ребята вместе ездили на рыбалку, ходили в походы на неделю, резались в игры по сети. Несмотря на противоположность в характерах, они взаимодополнялись: флегматичный Новиков и взрывной Лопатин, они будто бы черпали друг в друге то, чего не хватало им самим в характере. Глебу нравилась способность приятеля резко переходить от одной темы к другой и держать в поле зрения несколько дел сразу. Парень ценил легкомысленность Егора, находчивость и чувство юмора. Лопатину же импонировали медлительность и глубина товарища, доля здорового скепсиса и... таинственность. Только спустя почти два года Глеб понял, что испытывает к Егору чувства более сильные, нежели просто дружба. Открытие это настолько потрясло его, что он неделю не мог ни спать, ни есть. Глеб давно знал, что он не такой, как все, и все его знакомые девушки находились лишь в статусе друзей, но Егор... Он не мог потерять настолько близкого человека из-за того, что природе вздумалось сделать его таким. Парень продержался целый год. Но именно сегодня Егор выглядел таким радостным и счастливым оттого, что они выиграли районный чемпионат, и Лидка из параллельной группы пригласила его домой, что Глеб не выдержал...

Насколько тонка грань между объятием мужчины возлюбленного и мужчины друга? И в чём она заключается, эта грань? В количестве секунд или же в силе сжатия? Что такое увидел Егор в глазах Глеба, что заставило его оттолкнуть лучшего друга, крепко ударить и зло бросить:

– Да что ж ты, как пидор, ко мне прижался! Убери руки, голубизна! Всему потоку расскажу... тоже мне, друг...

И странная чёрная тень вдруг встала из-за спины Егора, нависая, как киношный монстр...

А теперь Глеб сидел дома, мучимый страшными догадками того, что произойдёт, если «узнает весь поток». А заодно и все окружающие.

«Мне конец, да мне теперь конец. Всё, допрыгался».

Два месяца назад в подъезде дома напротив нашли мёртвого парня, Юрку Звонарёва. Голова шестнадцатилетнего покойного была проломлена тупым тяжёлым предметом, виновных так и не нашли. Поговаривали, что дело собираются закрыть за абсолютной безнадёжностью. Глеб мало знал Звонарёва, чаще при встрече только кивал, но не жал руку, чего и требовало шапочное знакомство. С покойным вообще мало кто здоровался, особенно за руку: отвращала нарочитая манерность. Глеб так и не понял, был ли Юрка трансвеститом, голубым или же просто подчёркивал свою индивидуальность таким способом, но факт оставался фактом: парня за это очень не любили. Практически сразу поползли слухи о том, что Звонарёва прикончил Зуб, и Глеб не видел причин, чтобы в этом сомневаться. Зуб и его шайка из десяти человек владели местной территорией. Их столкновения с Юркой, как и лютая ненависть к нему, были общеизвестны.

Глеб и сам пару раз встречался с теми отморозками, но отделался переломом ребра, синяки не в счёт. Мать ни о чём не узнала, а сам он по возможности старался избегать пересечений с братвой в кепках. Зуб был реально опасен. Парень помнил его ненормальное веселье, когда однажды шайка загнала его в переулок. Низкорослый набыченный Зуб отхаркивал белым гноем и поигрывал ножом с широким лезвием у горла Глеба. Чёрный глаз в пожелтелом белке ухмылялся из опухшего века, левый закрывали сальные волосы и грязная шапка. Чёрные бесформенные тени колыхались за спиной Зуба и его шайки.

– Ну, что, пидор, попляшем?

Глебу тогда повезло: пара случайных прохожих заглянула в переулок. Отморозки успели лишь сломать ребро и оставить на память сотрясение мозга, нож в ход так и не был пущен. Но угреватое лицо с сумасшедшим глазом до сих пор стояло у парня перед глазами.

– Я найду тебя, пидор! – крикнул, убегая, Зуб.

Он был злопамятен, и Глеб знал это. Казнь лишь отсрочена. Юрка, само существование которого казалось Зубу оскорблением, убит. И Глеб следующий...

Беда заключалась в том, что родителей у Звонарёва не было, жил он со старой глуховатой бабушкой, которая в силу возраста и состояния здоровья не могла бегать по прокурорам. Особенно при власти участкового Холодцова, в миру Холодца, с которым предприимчивый Зуб периодически делился краденым. Неудивительно, что последний был выгорожен перед следствием, и временно залёг на дно.

Глеб не боялся умереть, пусть и от рук Зубовых отморозков. Ему было страшно оттого, что его тайна станет общедоступной, и каждый с отвращением плюнет на его могилу. А после сегодняшнего случая можно не сомневаться, так и будет.

Глеб отнял ладони от лица и поморщился от боли в скуле. Раскачиваясь в кресле, он положил на верхнюю губу указательный палец. В квартире стояла гнетущая тишина: мать почему-то задерживалась на работе. За окнами вовсю кипела жизнь. Чужая и бессердечная. Во дворе скрипели ржавые качели, визжали автомобильные покрышки и малышня. Электронные часы показывали: 16:30, квадратные зелёные цифры тягостно маячили на гладком чёрном циферблате. И отчего-то двоились в глазах.

Глеб повернулся к журнальному столику и развернул клочок желтоватой бумаги. Очевидно, мать торопилась, придя с работы, строчки так и плясали:

«Сынок, я в саду. Буду поздно. Котлеты и суп в холодильнике».

Парень аккуратно отложил записку.

«Не будет больше ни котлет, ни супа, ни холодильника».

Глеб снова вспомнил слова Егора, и всё вокруг потемнело, будто опустилась ночь. Что за тень мелькнула за спиной бывшего друга, когда тот оттолкнул его? Откуда она взялась при таком угле и освещении в просторной раздевалке? Что случилось с самим Егором?

«Мне теперь одна дорога... А мать? А мать... мама... каково ей будет, если она узнает? Она скажет: лучше бы я его и не рожала!»

Антонина Трифоновна очень любила своего сына, и он это чувствовал. А также трогательную ежедневную заботу, с которой она каким-то образом умудрялась не перебарщивать, чем сохраняла его уважение, дружбу и доверие. Но о самом печальном секрете он ей сказать, конечно же, не мог.

Парень резко распахнул балконную дверь и ступил на бетон, застеленный старыми латаными половиками. Глеба встретили свежие осенние запахи, перебиваемые выхлопами автомобилей и настойчивым ароматом готовящегося у соседей плова.

На небе стаей синих китов полоскались осенние тучи. Неуютно моросил мелкий дождик. Двор пустовал, малышня уже куда-то пропала. Где-то за углом кто-то надсаживался, выдавая в микрофон мобильного отборный мат. Задул ледяной ветер.

«Зачем я такой? Если где-то там есть бог, его, наверное, веселят такие офигенные шутки! Зачем создавать тех, кто всегда чужой в этом тупом мире? А неплохо было бы уничтожить весь этот мир, вместо меня одного, а? Просто сделать так, чтобы он раз – и исчез!»

Паренёк закрыл глаза, а когда открыл, ничего не изменилось: во дворе тосковали несмазанные качели, бродячая чёрная псина азартно облаивала пьяного, у бордюра парковалась белая волга.

Две слезы упали со щёк на полосатые половики.

«Мама... нет, она не поймёт. Хуже – не простит. Вон как она сюсюкает с соседкиными внуками. А сколько раз на дню поминает их «пятёрки»? Я не могу так с ней...

Сестра? Мы с ней чужие друг другу и всегда такими были. Да и сейчас она ничего не видит, кроме своей секты».

Старшая сестра Глеба, Наталья, с детства была странной. Ей нравилось вскрывать лягушек и бросать их в таком виде в пруд.

«Я освобождаю их», – с самым серьёзным видом утверждала маленькая черноволосая девочка.

Когда она вышла замуж за обычного монтажника Валеру, мать, Антонина Трифоновна, вздохнула с облегчением. Но не надолго. После двух лет казалось бы счастливой семейной жизни, Наталья написала на мужа заявление в милицию и ушла от него. Валеру штрафанули по статье 245 часть 1 УК РФ издевательство над животными – в гараже рядом с его «девятой» обнаружили распятый труп кота над пентаграммой, нарисованной кровью животного. На полках вместо ключей на четырнадцать и комплекта зимней резины были найдены банки с заспиртованными органами и книгами по чёрной магии и сатанизму. А потом почти сразу упекли в дурку – Валера спятил и всё время бормотал про какого-то Хранителя. Наталья недолго просидела дома – твёрдо решив вступить в борьбу против таких, как Валера, она присоединилась к воинствующим «Адептам Света». С тех пор прошло семь лет, и брат с матерью редко видели её. Зато часто она попадалась на глаза всем остальным на разных сайтах, вербуя в секту, на улицах и в подъездах, раздавая плохо пропечатанные листовки и книги сомнительного содержания. Антонина Трифоновна как только не пыталась вернуть дочь, но та совершенно перестала её слышать, как всегда отвергая принесённые пироги, одежду и требуя крупных сумм. Глеб видел Наталью однажды на перекрёстке Ленина – Луначарского. Она прошла мимо, не узнав его, а парень, лишь дойдя до светофора понял, что эта исхудавшая бледная женщина с короткой стрижкой – его сестра.

«Все нити давно оборваны. Здесь мне места нет».

Глеб решительно взялся за холодные металлические перила, перепрыгнул бетонную плиту и начал стремительно падать с девятого этажа.

Он не ожидал, что полетит так быстро. Воздух вышел из его груди, а когда он попытался вдохнуть, что понял, что не может. Сразу потемнело в глазах, и последнее, что он увидел в этой жизни, было длинное чёрное перо. Оно стремительно увеличивалось и приближалось на фоне удаляющихся бетонных плит соседних балконов. Когда парень инстинктивно

схватил его, страшный удар сотряс всё его тело, затем подбросило куда-то вверх, и дикая боль навалилась со всех сторон. Глеб хотел закричать, но не смог: чёрные волоски пера заслонили всё вокруг, забили рот, нос и глаза, а что было потом, он не помнил.

Глава 3. Рыжий кот. Свет в конце тоннеля

*Земную жизнь, пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу.
Данте Алигьери,
«Божественная комедия».*

Ида хмуро смотрела в запотевшее окно маршрутки, наблюдая за многокилометровой пробкой. Где-то там, впереди, у железнодорожного моста, в очередной раз столкнулись неповоротливый грузовик-трейлер и торопливая иномарка. К авариям на этой развязке все давно привыкли, но сегодня Иде не терпелось окунуться с головой в работу, чтобы выбросить из головы грызущие-неприятные мысли. Причиной этому послужили два телефонных звонка. Первой на сцене появилась мать Ираиды – Вера Георгиевна.

– С кем ты сейчас встречаешься, дочь? – сладко пропела она из динамика.

– Мама? – хрипло удивилась Ида. – Сейчас пять утра! Что стряслось?

– Ты знаешь, доченька, я так о тебе беспокоюсь! – запричитала Вера Георгиевна, и «доченька» ясно представила себе моложавую женщину шестидесяти лет, в синем строгом платье и извечном фартуке в красную полосу. Мадам Бартенева сейчас на кухне, тщательно сканируя через окно чрезвычайно подозрительный в пять утра двор, взбалтывает белки для начинки пирожных и одновременно помешивает смесь маски для лица. Причёска, скрупулёзно созданная из длинных седых волос, возвышается надо лбом.

– Мама! – рявкнула Ида. – Сейчас пять утра!

– Не груби матери! – строго отрезала Вера Георгиевна. – Отвечай, когда тебя спрашивают!

– Ни с кем, мама! Дай же поспать!

– Вот и славно, дорогая, – умиротворённо пропела в трубку мать и отключилась.

Женщина тихо взвыла, запустив подушкой в стену: кто-кто, а Вера Георгиевна должна знать, что если Иду разбудить, то заснуть она потом не сможет ни при каких обстоятельствах. Бормоча несвязные ругательства, Ираида тяжело вздохнула и поплелась на кухню, заварить кофе и попытаться обдумать, какие беды сулил маменькин звонок.

Конфликт матери и дочери Бартеновых насчитывал уже более двадцати лет.

– Учись готовить! Не научишься – никто на тебе не женится! – твердила мать.

– Мама, я умею готовить, – терпеливо возражала Ида.

– Не перечь матери! – сердилась Вера Георгиевна. – Мне лучше знать, что ты умеешь, а что нет! Смой с лица всю эту дрянь!

– Мама, это просто косметика!

– Опять ты за своё! Вот я в твои годы...

Порой Иде казалось, что мать видит её какой-то мифической героиней-домохозяйкой, у которой просто обязан стоять в красном углу киот с иконой мужа, а на алтарь – для этого самого мужа ежедневно должны приноситься жертвы в виде последних достижений кулинарии и стерильно чистого текстиля. Собственно, это её и раздражало, особенно когда Вера Георгиевна обстирывала, обхаживала и чуть ли не обожествляла Константина, своего бывшего зятя, который и вышел на сцену следующим в этой трагикомедии.

Потягивая горячий кофе, Ида подскочила от внезапного звонка. И от неожиданности взяла трубку, несмотря на то, что номер был незнаком.

– Идочка! – расцвёл отвратительно знакомый и, похоже, снова нетрезвый, голос.

Ираида терпеть не могла, когда её так называли. Константин снова плакался в трубку и грозился приехать. Рыча не хуже амурского тигра, Ида отсоединилась – бывший муж начал перечислять преимущества совместного проживания. Женщина вышла из себя: дать номер страдальцу мог только один человек – её мать, буквально боготворящая непутёвого Константина.

«Так она ему и адрес мой даст! И мне придётся скрываться! Ооооо, нет! Второго раза я не допущу! Зря, что ли я в другой город переезжала?»

Ираида, костеря доброхотчивость матушки, мстительно изменила в настройках телефона доступ с входящих всех групп на входящие одной, в которой состояли пять подруг и два приятеля.

Ко всему прочему добавился утренний сюрприз. Чёрные перья были разбросаны по всему залу. Они смотрелись на крашенных плитках двп, как чьи-то незажившие шрамы. Подметать времени не было, Ида бросила злосчастный мобильник в сумочку и побежала на остановку.

Под прогнившим и ржавым металлическим навесом ютились двое: немолодая крашеная блондинка, то и дело зевающая, и дымящий вонючей сигаретой парень со спортивной сумкой. Сквозь запотевшее стекло маршрутки, стоящей в десяти метрах, смутно виднелась физиономия водителя, ожидающего, когда наберётся достаточное количество пассажиров.

Вдруг слева раздался смешок. Ида обернулась и тут же инстинктивно закрылась рукой: какой-то мальчишка плюнул в неё, целя в лицо. Но, благодаря вовремя выставленному локтю, не попал. Девятилетний поганец, как ни странно, был прилично одет: модная куртка с нашивками, дорогие джинсы. Он выглядел довольным из-за нездорового веселья, пляшущего в тёмных глазах. По школе Ида знала, что значил такой взгляд, свойственный только психически нездоровым людям: будут издеваться. Вдруг женщине почудилось, будто за мальчишкой кто-то... или что-то движется. Но, приглядевшись, она ничего не увидела. Ида в немой растерянности смотрела на ухмыляющееся лицо. Она поняла, что упустила момент, когда паршивца нужно схватить за шиворот и угостить пинком или надрать уши, и не знала, что сделать. Галлюцинация вернулась: за спиной хулигана образовалась бесформенная тень, она всё росла, и росла, как клякса от пролитых чернил.

«Вот, что здесь не так», – поняла Ида.

– Что, сынок, – угрожающе раздалось рядом, – она тебя обижает?

Ираида обернулась на высокую женщину в длинном синем пальто и заношенном зелёном платке. Горящие чёрные глаза были полны праведного гнева, нижняя губа в красной помаде дрожала.

– Ваш сынок плюётся, как верблюд, – сухо и отстранённо произнесла Ида и достала бумажный платочек, чтобы стереть плевки.

– Ах, ты, дешёвка! – взвизгнула Красная Губа. – Ребёнок пораньше один из дома вышел, так сразу на его всех собак вешать! Сама себя оплевала, да ещё норовишь невинное дитя оплевать! Чего вытаращилась? Сейчас в милицию позвоню – за хулиганство посидишь, будешь знать, как на честных людей наговаривать!

– И по какому хулиганству, интересно? – морщась, полюбопытствовала Ида.

От всей этой кутерьмы с самого утра начинала раскалываться голова. Парень со спортивной сумкой и крашеная блондинка с усталым лицом предпочли отодвинуться от фурии в синем пальто, разошедшейся не на шутку. Возможно, они уже ранее сталкивались с этой особой, и теперь предпочли не связываться.

– По какому? По какому?! – завывала сиреной Красная Губа. – Оскорбила, оплевала! Всю психику и мне и ребёнку испортила! Дрянь подзаборная!

«Ребёнок» тем временем из-за спины матери всю гримасничал и показывал средний палец. Над его головой колыхалось бесформенное облако, а за зелёный платок женщины цеплялись щупальца набухшей чёрной тучи, которая пульсировала и росла всё больше и больше.

«К чёртовой матери! – подумала Ираида. – Уже и галлюцинации начались! Только этого не хватало!»

Она выбросила использованный платочек, который, как назло, пролетел мимо урны, и скрылась в подъехавшей «Газели».

Ида с облегчением вздохнула: пробка рассосалась и душная маршрутка, наконец, тронулась с места.

На работе женщина в которой раз загляделась на работы местного художника Маденова, оформленные в паспарту и рамки. Фотографии появились совсем недавно, сменив яркие натюрморты мексиканской сельвы и камбоджийских джунглей. Больше всего Иде нравилось несколько вещей: одна была снята внутри мрачного полуразрушенного дома: сквозь огромное окно на раздробленные плиты падал яркий квадрат света. Сияние, настырно пробивающееся сквозь крошечную тьму, неизбежно приковывало внимание. Другая изображала облесленную арку ворот старой детской поликлиники, на которую ни за что не обратишь внимания на первый взгляд. Но «Фотошоп» добавил работе оригинальности: от дуги в темноте вспыхивали синие и индиговые молнии, ассоциируя арку с воротами в иные миры. Третья работа представляла собой кирпичную крышу в подвал. На дырявом шифере сидел кот, чёрный с белым галстуком. Вспышка превратила его глаза в два жёлтых прожектора.

Танюша Лапина вывешивала на стене, рядом с картинами, объявление о переходе на зимнее время.

«26 октября переходим на зимнее время» – гласила надпись.

Мысленно посмеявшись и недоумевая, что вдруг стряслось с вполне образованной коллегой, Ида подошла и ткнула пальцем в неверные слова:

– Танюш, смотри, ты с ошибками набрала.

– Самая умная, да? – прошипела обычно вежливая Танюша.

Внезапно в приёмной на секунду потемнело, будто упало напряжение.

Ида захлопала глазами от удивления:

– Просто... эээ... здесь ошибки, видишь?

– Мырма! – зло бросила коллега и скрылась на кухне. Следом нырнула густая тень.

Ида села на рабочее место и задумчиво почесала макушку.

«Что за день! Ну, что за день! С ума все посходили! Вот взять вас всех и стереть в порошок! Ещё и тени какие-то гадские!»

Ещё чуть-чуть и она кого-нибудь придушит, терпение не бесконечно.

– Ида, – угрюмый Сергеев выглянул из кухни, и от его пальцев, взявшихся за дверной косяк, заструились какие-то чёрные полупрозрачные потёки, – отнеси на склад архив за две тысячи шестой год. Петрович тебе откроет, я его уже набрал.

– А уборщица на что? – удивилась женщина.

– Ида, – тяжело бросил Виктор Юрьевич. – ОТНЕСИ.

Фразу, сказанную таким тоном, проигнорировать невозможно. Ида всего два раза видела директора в таком настроении, пять лет назад, когда от него ушла жена, и сейчас. Тогда он запустил в стену дорожкой статуэткой, подаренной главой администрации за достижения в малом бизнесе.

«Оооо, и кто же нас довёл до такого состояния?»

Ираида бросила взгляд на косяк – он был чист.

«Надо больше отдыхать», – пожала она плечами.

Женщина вздохнула, накинула плащ, надела на плечо сумочку и взяла коробку со старыми газетами.

Склад находился сразу под редакцией в подвале. Ключ трепетно хранил пожилой забавный дед Иван Петрович, работающий по совместительству сторожем, в его обязанности входило открытие и закрытие редакции. Ида спустилась с крыльца по лестнице и отправилась в полутёмный подвал.

– Давай понесу, – Петрович уверенно отобрал увесистую коробку. – Тяжёлая ведь.

Ни магнитные бури, ни финансовый кризис, ни цунами не могли повлиять на полудочерне-полумужское отношение сторожа к Иде. Петрович был одинок, и, возможно, поэтому периодически носил всем девочкам из редакции мороженое или срезанную в сквере сирень, но Ираиде чаще других. Женщина ценила его заботу, обращаясь с ним по-дружески.

Небольшая узкая ниша, которую позволяла занимать пожарная охрана, почти вся была сплошь забита коробками с архивными выпусками.

– Викторыч не в духе сегодня, – покашлил Петрович. – Заметила?

– Ну, ещё бы! – усмехнулась Ида. – А Вы не в курсе, что у него стряслось?

– Нет, – покачал головой старичок, поправляя очки с толстыми линзами. – Но кто-то сильно наступил ему на хвост.

– Ладно, побегу до магазина и снова в редакцию.

Ида поднялась по лестнице, отряхивая случайные тенёта, налипшие со стен. У обшарпанной двери подвала сидел крупный рыжий кот. Тот самый, с царапиной на левом ухе.

– Ждёшь? – спросила женщина. – Сиди тут, я сейчас приду.

Она купила в продуктовом магазине по соседству шесть сарделек и вернулась в арку. Подвал почему-то всё ещё был открыт. Доставая мешок, Ида изумлённо уставилась на рыжего кота: он устало смотрел на неё, сжимая в пасти длинное чёрное перо.

«Рыжий кот и чёрные перья... Что всё это значит? Сплошное рыжекотство и чернопёрство...»

– И ты туда же, – усмехнулась она. – Давай хоть покормлю, оголодал, наверное... Только не плюйся, хорошо?

Отломив полсардельки (где-то она читала, что животным нужно давать пищу маленькими кусочками), она наклонилась и протянула мясо коту.

Рыжий выплюнул перо, неторопливо принялся и медленно начал есть. Ида улыбнулась и вытащила из мешка ещё пять сарделек. И тут произошло совсем неожиданное: кот бросил недоеденное, схватил всю связку и помчался в подвал.

– Офигеть! Вот это номер! – растерянно выдала Ида и кинулась следом.

– Эй! Отдай сардельки, гад! – кричала она.

Петровича нигде не было видно, единственная тусклая лампочка освещала узкий коридор с мотками толстых кабелей и старым токарным станком. Рыжий хвост вильнул в дальнем тёмном конце, и женщина бросилась туда.

– Эй, рыжий! Верни сардельки!

Ида слышала, как стучат когти кота по бетонному полу, задевая канализационную трубу, и уверенно шла за ним. Она совсем не заметила, как стало темно, видимость снизилась до нуля, и женщина достала мобильник, чтобы осмотреться. Синяя подсветка тускло озарила длинный узкий коридор, уходящий в неизвестность. Раздался мелодичный сигнал отключения и дисплей погас. Ида громко выругалась и сунула разрядившийся мобильник в сумку. Проклиная всех котов на свете, она развернулась и отправилась в обратную сторону.

«Зачем вообще я за ним побежала? Купила бы себе другие сардельки, и всё. Подумаешь – сардельки! Он ведь их всё равно извалял в грязи...»

Впереди было темно.

«Может, Петрович вернулся, выключил свет и закрыл подвал? Интересно, услышат ли меня, если я буду орать из-за двери?»

Коридор будто растянулся и стал неправдоподобно длинным и неудобным. Ида, чертыхаясь, брела в крошечной тьме, хватаясь за шершавые и неровные стены. Идти наугад женщине было не впервой: в районе, где она жила, фонари отсутствовали, как данность. То есть, существовали, конечно, длинные бетонные столбы с защитной шляпкой наверху, но чтобы они ещё и светили – это, очевидно, было слишком большой роскошью. Так что местные отличались развитым инстинктом, куда нужно ступать, а куда нет, если не хочешь принести домой на сапогах картофельные очистки, использованный презерватив илидохлую мышь. Иду пугала не темнота. Плащ из дешёвого дерматина отчего-то больше не скрипел и наощупь стал мягким и длинным, шурша по ногам. Чёрная дамская сумка потяжелела и била по спине, новые сапоги перестали тереть, а шею задевали какие-то металлические подвески. Списав всё на дезориентацию в пространстве и полное отсутствие видимости, а значит и обман всех ощущений, Ида различила какой-то расплывчато-белый проблеск впереди.

«Свет в конце тоннеля! – обрадовалась женщина. – Ура! Скорей бы домой: как же есть-то хочется!»

Выскочив на свет божий, она, жмурясь, ступила на мягкую пружинистую почву и с изумлением огляделась.

Вокруг темнели вековые сосны, шумели листьями берёзы и осины. Солнечные лучи застревали где-то наверху, в массивных толстых ветвях. В чаще качался неудобный полумрак, дрожащий от лёгкого ветра, как тенёта. Влажно пахло свежей травой и опятами. Где-то вдалеке выстрелил барабанной дробью дятел, замолк, и снова застучал. Под ногами кто-то прошуршал и пропал.

«Мышь», – отрёшённо определила Ида.

Высоко над головой громко затрещала сорока, что и вывело женщину из ступора, и она резко обернулась. Со всех сторон смыкался густой смешанный лес. Прямо с того места, где стояла Ираида, куда-то меж двух косматых елей уходила полузаросшая пыреем и подорожником тропка, но на этом же месте она и обрывалась.

«Дьявол! Где подвал? Что это за место? – тяжело дыша, думала Ида. – Где я? Я же шла по подвалу! Как может обычный подвал подъезда ответвляться к лесу? Тем более летнему?»

Женщина схватилась за ствол ближайшей берёзы, надеясь, что он тут же растает, как дурной сон. Но ничуть не бывало: она только оцарапала ладонь шершавой корой.

Ида отрёшённо села на мягкую кочку. Ей приходилось слышать о том, как изредка люди проваливались в никуда, теряясь в реальном мире, а потом откуда ни возьмись лет через восемьдесят появлялись на том же самом месте.

«Но ведь это газетные утки, разве нет? Неужели такое бывает? Но, даже если и бывает, то всё это крайне не вовремя! Я хочу горячую ванну и плотный ужин!» – тосковала женщина.

«Позвонить кому-нибудь что ли?»

Ида сняла с плеча отяжелевшую сумку и тут же выронила её от удивления. Вместо чёрного дамского ридикюля на траву упал холстяной мешок с завязками. Да, верно: точно такой же она шила на уроке труда в пятом классе, только тот был раза в три меньше и предназначался для семян ноготков. Женщина выругалась и оглядела себя со всех сторон. Сомнений не было: она изменилась тоже. Плащ из дерматинового стал шерстяным и длинным, почти до лодыжек, к тому же потерял все пуговицы и петли, укрывая теперь только спину и плечи. Сапожки, начисто лишившись каблуков, из чёрных превратились в коричневые, с толстой подошвой и кожаными шнурками на икрах. Ида распахнула плащ и застонала от разочарования: блузка и юбка деградировали в длинный блекло-синий сарафан поверх льняной сорочки. Всё нижнее бельё пропало без следа, а само платье зачем-то стягивал тонкий пояс, расшитый каким-то сложным и витиеватым узором.

Волосы оказались заплетены в тугую косу до лопаток, оканчивающуюся синей лентой. Мало того, такая же широкая лента перехватывала лоб, сходясь на затылке. Очевидно, к её полотну, расшитому каким-то хитрым орнаментом, крепились крупные железные украшения, болтающиеся до ключиц. Ида сняла одну из «серёг» и подержала на ладони: лёгкая висюлька, величиной с кофейную чашку, была в форме тонкой полосы металла, свёрнутой кольцом в плоскую спираль.

«Чёрт возьми, это же мои серёжки!»

Она отлично помнила, как купила их: спеша на работу, она каждый день в течение недели видела в витрине отдела бижутерии две замечательные серебристые подвески в виде тонкой плоской спирали. Иде всегда нравилось что-нибудь многозначное, вот и тогда её восхитило, как символично смыкались начало и конец. Женщина решила, что это одновременно оригинально и просто, универсально и очень стильно. И, скрепя сердце, потратила деньги, специально отложенные на покупку тюля. Только сейчас это были не мелкие серёжки, а крупные подвески грубой работы, хорошо ещё хоть из лёгкого металла.

Женщина ущипнула себя пару раз для надёжности, но нужного эффекта не добилась: лес никуда не пропал, и будто бы для пущей убедительности на голову упала шишка. Ида потёрла ушибленный лоб, уселась поудобнее и потянула завязки сумки. Казалось бы, она уже перешагнула тот барьер, за которым исчезает способность удивляться, но нет: заглянув в суму, Ида глухо вскрикнула, как раненая чайка, и принялась вынимать содержимое дрожащими руками. Косметичка превратилась в полотняный мешочек с какими-то деревянными дурнопахнущими туесками и большим зеркалом в костяной оправе с длинной ручкой, пластмассовая расчёска – в деревянный гребень. Блистер с обезболивающим – в мутную склянку с подозрительной жидкостью, новенький набор пластырей (чтобы не тёрли свежеприобретённые сапоги) – в связку хлопчатобумажных лент, а кошелек – в кожаный мех, потёртый и разбухший от тяжёлых медных монет. Ида долго искала разряженный телефон и обнаружила, в конце концов, его в виде свернутого в трубочку куса желтоватой бересты, пары длинных белых перьев и миниатюрного пузырька с чернилами. Шариковая ручка и ключи от квартиры пропали бесследно.

Ираида задумчиво подёргала за спиралевидную серьгу, но путных мыслей в голову не приходило, они будто разлетелись вместе со стаей трескучих сорок. Пустой желудок глухо заворчал.

«Как быгодились сейчас сардельки!»

Женщина подняла глаза на порозовевшие густые кроны – солнце неторопливо садилось, расчерчивая лес длинными тенями. Их аспидно-чёрные силуэты, казалось, шевелились от дрожащих на лёгком ветру ветвей и трав, будто скребли по земле чьи-то алчные пальцы с явно недобрыми намерениями.

«Я сошла с ума», – грустно решила Ида и побрела по тропинке.

Глава 4. Багряные плащи

*Говорят, не повезёт,
Если рыжий кот дорогу перейдёт.
А пока наоборот —
Только рыжему коту и не везёт.*

Глеб чувствовал себя просто ужасно. Даже отвратительно. Ещё хуже, чем до того, как прыгнул с балкона. Боль по-прежнему пульсировала в правой скуле, всё тело почему-то онемело, но не это беспокоило его.

«Мама приедет из сада в десять», – тоскливо думал он, – и что она увидит вместо любимого сына? Труп и скорую перед подъездом? Я – урод...»

Сквозь закрытые веки краснел не вполне покинутый Глебом мир. Парню очень не хотелось открывать глаза, настолько было мерзко и совестно. Но здравая мысль всё-таки просочилась в затуманенный стыдом мозг:

«Я, что, не помер? Сколько там мозг после смерти живёт? Полчаса что ли? Нет? Или я щас инвалид? Вот дерьмо...»

– Мяу, – настойчиво сказали рядом.

Глеб вздрогнул от неожиданности, изумлённо открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света.

«Свет в конце тоннеля», – вспомнилось ему.

Парень часто моргал: над головой шумели сосновые и берёзовые ветки, подрумяненные густым закатным пурпуром. Под лопаткой смутно чувствовалась мелкая еловая шишка, где-то протяжно каркала ворона. На нос опустился голодный комар, и, в попытке прихлопнуть его, парень попытался встать. Не вышло. Всё тело онемело. Даже голову повернуть нельзя, чтобы увидеть того, кто сказал «мяу». Панический страх подступил к горлу.

Запоздало мелькнула жуткая догадка:

«Я, дебил, себе позвоночник походу переломал».

– Тише, не двигайся, – сказал мяукающий голос, отдающий уверенностью. – Я уже заканчиваю.

– Ты кто? – прошептал парень.

– Помолчи, пожалуйста. В противном случае мне придётся оставить тебя обездвиженным здесь на съедение зверью и насекомым.

Глеб испуганно замолчал, давась собственным языком. Собеседник, судя по тону, не обманывал. Парень чётко представил себе, как жуки заползают в ноздри, а из-за бесчувственных ног, огрызаясь, ссорятся волки, барсуки и чёрт знает кто ещё. Между тем, тело начало покалывать, затем нестерпимо жечь, так, что стиснутые зубы заскрипели, и на лбу выступил пот. Глеб боялся кричать, но когда жар отпустил, парень задышал тяжело и часто: его будто только что вынули из парилки.

– Всё, – устало вздохнул собеседник, – вставай. И побыстрее.

Глеб недоверчиво попробовал пошевелить ногами, затем руками, и те, как ни странно, послушно отозвались.

Парень осторожно сел и огляделся. Вокруг шумел старый лес, назойливо звенели комары, ссорились птицы. Никакого собеседника и в помине нет.

– Я здесь, – позвал настойчивый голос, звенящий, как солнечный день.

Глеб опустил голову и упёрся бездумным взглядом в рыжего кота.

– Идём скорее, – сухо приказал зверь, поднимаясь.

Парень не сдвинулся с места.

«Видать, ещё и башку расшиб», – подумал он.

– Глеб, соображай быстрее, солнце садится, – нетерпеливо напомнил кот, и, отряхнувшись, направился к едва заметной среди лопухов и крапивы тропке.

Глеб соглотнул, вскочил, отряхнул лесной мусор и только сейчас заметил, во что одет. Под длинным колючим плащом обнаружилась дымчато-серая рубаша с потёртыми локтями, опоясанная широким малиновым кушаком. Причём по краю льняной сорочки багровели потемневшие от времени завитушки, вероятно, когда-то облагораживавшие эту одежду. Вытянутые на коленках оранжево-коричневые штаны заправлены в стоптанные сапоги непривычно удобного покроя.

– Я больше не могу ждать. Идёшь или нет?

– К... куда?

– Некогда объяснять! По дороге расскажу...

Глеб нашёл в себе силы обречённо кивнуть, и зашагал рядом.

«Да что это вообще за хрень! – с глухим раздражением думала Ида, на ходу отпिनывая шишки и ветки с тропинки. – У всех нормальных людей всегда нормальная спокойная жизнь, а у меня чёрт знает что! То развод, то переезд, то этот лес идиотский...»

Взгляд женщины остановился на рыжем коте, глядящем прямо на неё своими глазами цвета спитого чая. Крупный зверь шёл по тропке, рядом с раскидистыми лопухами, а за его спиной брёл черноволосый бледный парень с круглыми глазами.

– С-скотина рыжая, – с выражением процедила Ида. – Вот и корми их... На шапку тебя пустить...

– Простите великодушно, – церемонно поклонился кот. – Я ни в коем случае не хотел причинять неудобства, но времени оставалось слишком мало. Промедли я хоть секунду, и мы бы снова оказались в смертельной опасности. К тому же, я спешил оказать необходимую помощь вот этому молодому человеку... Позвольте представить вас друг другу – Глеб Григорьевич, а это – Ираида Леонидовна...

Состояние, в которое погрузилась Ида, с точностью можно было назвать ступором. Она беспомощно переводила взгляд с кота на парня и обратно, но не находила слов. Сейчас ей больше всего на свете хотелось упасть в обморок, а очнуться у себя дома на диване. Женщина открыла рот и попробовала что-то сказать, возможно, даже возразить, что говорящих котов не бывает, и подвал обычно не выводит в глухой лес, но вместо членораздельной речи вырвалось только: «мммм-мммааа...»

Не в силах произнести ни слова, Ида молча разглядывала незнакомого парня, одетого также странно, как и она.

Глеб Григорьевич искательно смотрел на Иду большими карими глазами, возможно, желая определить, насколько та пришла в себя для беседы.

– И... да, – наконец протянула она ладонь.

– Глеб, – парень недоверчиво пожал руку. – Новиков.

«Какой-то он запуганный...» – подумала Ида.

«Какая-то она измученная...» – решил Глеб.

– Не будем медлить, – прервал знакомство кот, – времени у нас мало. Ида, у тебя есть зеркало. Достань его, пожалуйста.

– Откуда ты знаешь про зеркало, рыжий оборотень? – слабым голосом спросила женщина.

– Вам обоим многое предстоит узнать, – нетерпеливо сказал кот. – Давай скорее зеркало, нам нужно торопиться! Хапуры будут здесь с минуты на минуту!

– К чёртовой матери, – хмуро отрезала Ида. – Пока не услышу приличных объяснений, зеркало не отдам. Лучше разобью.

Внезапно воздух резко сгустился и засмердел. Отчётливо несло протухшей селёдкой и какой-то химией.

– Фуууу... – недовольно протянула Ида, зажав нос.

– Видишь, к чему привело твоё упрямство, – печально вздохнул кот и чихнул, забавно потирая лапой усы. – Теперь вам придётся полагаться только на себя.

– Может, всё-таки отдашь ему это чёртово зеркало? – нервно подал голос Глеб. – Не нравится мне эта вонь...

Запахи тем временем всё усиливались, переходя в тошнотворно-сладковатые и удушающие. Со всех сторон будто сконцентрировалась тьма, валясь между кустами чёрными клоками ваты. Глеб кашлял, прикрыв ладонью рот, Ида, скривившись, оглядывалась, ощупью отыскивая в мешке зеркало.

«Так не воняло даже у спившейся старухи, у которой я снимала комнату!» – подумала женщина.

– Возьметесь за руки, – прошипел кот. – *Немедленно* возьмитесь за руки! Зеркало! Где...

Хвост его распушился и воинственно встал трубой, спина изогнулась, массивные лапы уперлись в рыхлую землю. Густая шерсть приобрела приятный терракотовый оттенок и засветилась, а глаза угрожающе вспыхнули зелёным.

Ида оглянулась и увидела, как из-за деревьев выходят странные люди. Их было шестеро: шесть неприятных фигур, шурша ветками, шли прямо к ним. Вокруг потемнело ещё сильнее, будто солнце зашло за тучу. Женщина пыталась понять, отчего же эти люди так антипатичны, но вспугнутые мысли скакали, как блохи, не останавливаясь ни на секунду. Среди незнакомцев оказались трое мужчин и три женщины, все какие-то сторбленные и нехорошо спокойные. Ида обернулась на Глеба, но тот тоже ничего не понимал, очевидно, и он не был знаком с этими типами. Все они шуршали по густой траве длинными багряными хламидами и смотрели в упор на кота. Ираиде совсем не понравились их глаза: пустые и безжизненные, будто из них вынули что-то... что-то очень важное.

– Хранииитель, – осклабился мужчина с красным родимым пятном, занявшим всю левую половину лица. – Даавно не вииделись. Как поживаает Всссеблагоой? Ещѐо не ссссдох на сссвоём Древе? Йандлох Баха маар...

Ида заметила, что незнакомцы почему-то шепелявят. Ей вдруг стало очень и очень неуютно здесь, по соседству с этими людьми. Так бывает, когда спиной чувствуешь чей-то ненавидящий взгляд, который режет не хуже ножа. Быть может, всё дело в тоне этого мужика: он излишне доброжелательный?

Глеб, очевидно, также испытывал подобные ощущения: он инстинктивно подобрался и подошёл ближе к Иде. Он вдруг понял, что перестали петь птицы. Тишина навалилась плотным слоем. Воздух наэлектризовался и загустел так, что его можно было резать ножом.

– Вижшу, ты приволооок сюда пару людишшек, рашш маар, – продолжал Родимое Пятно, наступая на рыжего. Остальные медленно шли за предводителем. – Тоолько они тебе не помоогут... дакш раш маар... Зря ты позваал этих миылых пташшек с ихх ветки...

Кот, не отводя взгляда от шестёрки, молча пятился от тропы к лесу, вынуждая людей за своей спиной отступать.

– Эй, рыжий, – прошептала Ида, – кто это?

Кот молчал и шёл назад. Глеб предпочитал держаться рядом с ним.

«Мафия что ли какая-то? Одежда у них – будто вся в запёкшейся крови», – расстроено подумала женщина и прошептала:

– Рыжий, зеркало у меня.

Глеб, инстинктивно сжавший вспотевшую руку женщины, склонился и подобрал с земли увесистый сук. Ситуация накалялась, а слова и вид незнакомцев не сулили ничего хорошего.

– Брось на землю между вами, – так же тихо ответил кот. – Как только закончу заклинание словом «име» – смотрите в зеркало.

– Ххашшшмет-тсссу! Ххххватит чшириикать, – оборвал главарь. – Анххрамаан жшдёт тебя, Вохху Маана!

Кот между тем начал глухо и быстро бормотать совершенно далёкие от понимания слова, не отрывая глаз от людей в хламидах.

Кашляющий смех Родимого Пятна перекрыл бубнение рыжего, он выпрямился и командовал:

– Йандлох ман! Убить его!

Тут же остальные фигуры окружили сжавшуюся троицу.

– Идите своим путём, – тихо, но внятно, предупредил кот, – идите и не погибнете.

«Что они могут сделать нам? – подумала Ида, и тут же ответила сама себе: Да всё, что угодно. Когда тебя окружают люди с такими вот пустыми глазами, можно ожидать чего угодно, кроме хорошего».

И вдруг пятеро багряных взмахнули длинными рукавами, на солнце сверкнули, отразившись от чего-то солнечные блики. На миг поляну окутала кромешная тьма, стихли все звуки, кроме пульса, а затем снова вернулись вместе со светом. Кот издал жалостный вопль, и сквозь мерзкую вонь багровых пришельцев прорвался запах страха: бок рыжего сильно кровоточил, животное дрожало от боли.

Паренёк и женщина наконец-то заметили у незнакомцев в руках длинные острые окровавленные серпы, блестящие на солнце. Глеб внезапно вспомнил, где видел их: на выставке оружия под табличкой «Египетский ятаган». Вот только там они были покрыты слоем ржавчины и зеленоватого налёта, а здесь...

Ида разом поняла, откуда у рыжего рваное ухо и глаза, полные боли.

– Скоты, – процедил сквозь зубы Глеб, – уберите лапы от животного!

– Кххто у насс загхвориил? – усмехнулся молодой мужчина с выгоревшими бровями, и Ида с ужасом увидела, почему незнакомцы шепелявили: говорить членораздельно им мешали многочисленные острые зубы, загнутые внутрь, совсем, как у акул. – Юный го...

Глеб размахнулся и резко ударил его. Белобрысый взвыл больше от неожиданности, чем от страха.

– Йандлох маан! Убейте их! – заорал Родимое Пятно, и вся пятёрка навалилась скопом на ошалевшую троицу.

Не долго думая, Ида раскачала свой увесистый мешок и обрушила его на голову полной женщине с узкими чёрными глазами-щёлочками. Толстуха увернуться не успела, удар попал в цель: она мерзко зашипела и сплюнула на траву какой-то серой дрянью. Её спутник, худой и болезненный тип с длинным носом, радостно усмехнулся и раздвинул губы в жутком оскале. Алой смертью блеснули на солнце окровавленные серпы-ятаганы и...

– Да не убоится вас истинный свет! – вдруг громко крикнул кот. – Да будете повержены вы, слуги тьмы, силой Всевышнего!

Резко полыхнуло синевато-белым, багряные с воем разлетелись, кто куда. Ида со стоном схватилась за плечо, промокшее от крови, стараясь не смотреть на глубокую резаную рану.

Глеб, не веря в происходящее, выронил сук и осторожно дотронулся до уха – половины его не стало.

«Как они успели?..»

– Т`ларе алашти име, – тяжело дыша, сказал кот.

Ида поняла это, как сигнал к действию, сгребла его в охапку, схватила мокрую руку Глеба и буквально сунула им под нос зеркало.

Поняв, что добыча уходит, багряные, взвыли, и разом прыгнули к людям. Вонь стала просто невозможной, казалось, здесь сконцентрировались все мировые запасы гнили.

– Держи, – прохрипел кот, – зеркало крепче.

Он пристально смотрел в стекло, подкрашенное ртутью. Зажимая кровоточащее ухо, Глеб с изумлением заметил, как под ярко-зелёным взглядом, вместо их перекошенных отражений вырисовывается каменистый берег синего озера, поросший жёлтой травой и редкими ёлочками. И всё алое от заходящего солнца, будто разлит брусничный сок.

От боли и страха незнакомый пейзаж туманом расплывался перед Идой, ей казалось, что в глазах просто мельтешит от избытка крови, когда догорающие лучи коснулись её щёк. А затем свежо подул ветер, принеся запах сухой травы и прибрежный водорослей.

– Не бойтесь! – тяжело дыша, кричал кот. – Держитесь рядом – вместе вы сила! Помните, что вы можете противостоять любому злу! Ищите латырь-камень!..

Глава 5. «Прямо пойдёшь – убитым быть»

Ида помнила, что её закружило, сумка съехала с плеча и сдавила верёвкой раненое предплечье так, что боль выжала из неё отчаянный крик и швырнула куда-то в темноту.

Она очнулась от тряски, и поняла, что её сильно мутит. Вся левая рука ныла и скулила глубоким разрезом.

– Да открой же ты глаза! – требовал мужской голос.

Багровое небо над головой качалось, как парчовый театральный занавес, раскинувшийся от высокого холма, за который скатилось солнце, до бесконечного горизонта, где-то за пределами видимости. Ида села и поморщилась от боли. Рядом, на табачно-жёлтой траве, среди белых, как клыки, валунов, сидел Глеб и, нервничая, теребил её расшитый пояс.

– Этих... с зубами... нет? – хрипло спросила она.

Глеб покачал головой и положил на верхнюю губу указательный палец. Женщина отметила, что левая скула паренька измазана кровью, и её снова затошнило. Ида подняла правую руку к глазам: пальцы всё ещё крепко сжимали зеркало за ручку. Она торопливо сунула его в мешок, словно боясь, что оттуда выскочит кто-нибудь из этих страшных людей в багряных плащах.

– Кота тоже нет. У тебя есть тряпки какие-нибудь? – сухо спросил парень.

Ида отрешённо посмотрела на него, припомнив, с каким удивлением на лице он прижимал ладонь к уху. Только теперь она заметила, что его правая скула посинела и опухла. Кивнув, женщина достала моток тряпок, бывших когда-то пластырем. Увидев пурпурное от заката озеро, встала и намочила в воде две белые полоски («сейчас они станут такими же красными, как эта окровавленная вода» – подумала она) и вернулась к Глебу. Половины правого уха больше не существовало. Вместо него краснел обрезок с запёкшейся кровью, при одном взгляде на который, к горлу рвался осклизлый ком.

– Я... протру кровь... Ты... потерпи, – неуверенно попросила она.

Глеб посмотрел на неё своими большими карими глазами и кивнул.

Ида сглотнула и аккуратно стёрла чешуйки запёкшейся крови. Сердце ёкало каждый раз, когда он вздрагивал от боли.

Ида с облегчением увидела, что рана не раскрылась, достала мутную склянку с, которая раньше была блистером с шестью зелёными таблетками. Содержимое почему-то оказалось жёлтым и пахло солодом. Ида смочила рану жидкостью и перевязала ухо через голову.

– Больно?

– Ничего, – попытался улыбнуться Глеб. Улыбка вышла жалкой и фальшивой. – Давай плечо.

Ида села на засохшие кочки, поросшие ковылём и кровохлёбкой. Сквозь длинный разрез белой рубашки на предплечье безуспешно пытались соединиться два края глубокой резаной раны. Глеб нахмурился и вытер набежавшую кровь. Женщина зажмурилась, понимая, что если думать о ране, то просто вывернет. Парень промокнул обезболивающим, проложил плотным куском ткани порез и крепко завязал тряпицу поверх рукава на всём предплечье. Ираиде немного полегчало. Жёлтое зелье сняло боль.

– Спасибо.

Ида помолчала, глядя в розовеющее озеро, окружённое кантом из мелкого белого камня, по лёгким волнам шустро скользили редкие водомерки.

– А ты откуда сам?

– Да какая теперь разница-то?..

– Да уж, действительно...

И снова замолчала.

Солнце уже скрылось за покатым холмом, и закатные отблески налились сначала малиновым, затем сиреневым, лиловым. Ветер шевелил макушки елочек и жёлтую траву. Над озером цвета индиго пролетела стайка трескучих птиц и скрылась за холмом.

– Надо костёр разжечь, – механически отметил Глеб. – Мы, похоже, здесь одни, а ночью будет холодно от воды...

– У меня кремень есть, – криво улыбнувшись, предложила Ида.

Глеб посмотрел на неё так, будто впервые увидел:

– Откуда?

Она рассказала. Парень задумчиво потянулся к уху, чтобы почесать, но передумал. Так ничего и не измыслив, он вынес решение:

– Ладно, давай веток, что ли наберём. Утро вечера мудренее.

На берегу отыскалось много сухих сосновых сучьев и ломаных еловых веток, которые скоро затрещали в небольшом, прожорливом костерке, который Глеб развёл между двух белых валунов, чтобы ветер с озера не задул огонь ночью. Сумерки сгустились незаметно.

Ида и Глеб сидели друг напротив друга, вытянув руки к огню.

– У тебя, может, и поесть чего найдётся? – спросил парень, с надеждой поглядывая на увесистый Идин мешок.

Женщина невесело усмехнулась и рассказала про сардельки.

– Ладно, всё равно после всего этого не до еды, – вздохнул Глеб. – Давай дежурить и смотреть за костром, чтобы не замёрзнуть... Ну... и чтобы, когда *эти* придут, они нас не убили... Сейчас ты дежуришь, потом, как спать захочешь, меня разбудишь. Утро – самое тяжёлое время. Всегда спать хочется. Согласна?

Ида подумала и кивнула.

– Ты как думаешь, мы домой вернёмся?

Глеб повернулся со странно испуганным взглядом, и нервно пожал плечами. Он завернулся в плащ, и улёгся ближе к огню.

Ида и не заметила, как он уснул. Перевязанная голова придавала ему вид раненого солдата. От костра на лице металась тень, прыгая в приоткрывшийся рот.

«Совсем ребёнок!.. Какой из него Глеб Григорьевич? Это же просто Глебыш...» – подумала Ида.

С озера задул холодный ветер, растрепывая стаю мрачных туч на беззвёздном небе. Женщина плотнее укуталась в шерстяной плащ и придвинулась ближе к костру.

Глебу снился старый лес. В таком же они гуляли с Егором неделю назад. Как давно! Но всё вокруг было наполнено тем же неповторимым ароматом, какой бывает, когда рядом любимый человек. Солнце взбивало пушистые кроны деревьев, и его вездесущие тёплые лучи проникали сквозь кружевную листву. Тонкие тени от изящных сосен падали на усыпанную бурой хвоей траву. Звонко, на весь лес, пели синицы. Глеб пробирался сквозь колючие молодые елочки и настырно цепляющуюся к рубашке малину. Деревца нехотя раздвинулись, и из-за раздвоенной берёзы парень увидел широкую поляну. Минувя волчью ягоду и жимолость, он выбрался на елань и увидел Дерево. С самой большой буквы – колоссальное, необъятное, все деревьям дерево. Исполинские корни вырывались из почвы, как щупальца спрута, раскинувшись в густой высоченной, в человеческий рост, траве. Нижние ветви начинались высоко от земли. Глеб удивлённо пригляделся: на сучках соседствовали кленовые, дубовые, вязовые, берёзовые и ещё чёрт знает, какие листья. Мало того, среди них затесалась даже длинная пушистая хвоя!

«Ай, да дерево!»

И тут Глеб больно запнулся обо что-то, и ничком упал в траву. Когда он поднял голову, на солнце набежала тяжёлая туча, всё вокруг резко потемнело. Боковым зрением парень заметил тропинку слева. Она вся была усыпана чем-то чёрным, похожим на... перья?.. Глеб уже начал подниматься и в этот момент в траве блеснуло нечто... нечто металлическое. Склонившись, чтобы рассмотреть диковинку, парень услышал неуютный шорох за спиной. Подсознание крикнуло: беги! Но парень не мог сдвинуться с места. Он безрезультатно дёргался и так и эдак, а со спины, покрывшейся холодным потом, подкрадывался кто-то страшный. Кто-то очень и очень опасный... Глеб напряг всю свою волю, и удалось даже немного повернуть голову, чтобы увидеть нечто острое, тускло сверкнувшее во мраке. Оглохнув от бешеного пульса, парень дёрнулся влево, ощутил страшный удар и всё вокруг окрасилось в буро-красный.

Глеб, вскрикнув, проснулся и машинально подобрал ноги от холода: озёрная стынь пробирала до костей, несмотря на живое тепло костра. Небо значительно посветлело, налившись лилово-синим, на берег влажно плескали волны.

– Чё ж орать-то так? – поморщилась Ида, моргая покрасневшими глазами. – Я тебя только будить собралась, а ты орёшь, как больной слон... Резали тебя во сне что ли?

Парень не нашёл, что ответить, и поднялся, разминая затёкшие мышцы. Женщина тем временем улеглась к затухающему костру, закутавшись в плащ с головой и свернувшись калачиком.

Утро застало путников голодными и невыспавшимися. Если с последним хоть как-то приходилось мириться, то голод донимал всё сильнее.

– Есть-то как хочется... – простионала Ида, умываясь у озера.

Глеб в ответ только вздохнул, разглядывая рыбёшек, шустро резвящихся на мелководье.

– Удочку бы... Хлеба...

Ида жадно зачерпнула пригоршню. Холодная вода немного заполнила пустой желудок, и мысли прояснились.

– Глеб, – скомандовала она, – переворачивай эти чёртовы камни. Здесь просто обязаны быть толстые вкусные раки!

И действительно: под несколькими широкими камнями удалось обнаружить с десятков больших и восемь мелких раков. Пока Ида таскала добычу к лагерю, Глеб дрожащими от слабости руками разжёг костёр. На дрова пошли, как старые сухие сучья, так и молодые еловые ветви. Вокруг жарко трещавшего огня, прямо в пепел, собравшись по несчастью закопали рачьи конечности, а потом, со страшным нетерпением вырыли, остужая на земле. Казалось, что блюда, вкуснее, чем красные клешни и хвостики, измазанные золой и частично землёй, ни Ида, ни Глеб не ели никогда. Хитин громко хрустел на зубах, сладковатое мясо глоталось, не жуя, а пальцы, перепачканные пеплом, жадно хватили следующий кусок. Парень изредка морщился от боли в скуле, но от женщины не отставал. Когда раки были высосаны до последней косточки и запиты большим количеством воды, Ида высказала предположение, что надо бы повторить и сделать запас на вечер. Немного отдохнув, товарищи принялись за дело. На этот раз раков из укывищ удалось достать гораздо больше – просто нужно было зайти по колено в воду и тщательнее обследовать крупные камни. Продолжив пир, друзья наконец-то насытились и повеселели.

Повязка Глеба сползла на правый глаз, парень скорчил жуткую рожу и запел:

– Пятнадцать человек на сундук мертвеца!
Йо-хо-хоу! И бутылка рома!
Пей, и дьявол доведёт до конца!

Йо-хо-хоу, и бутылка рома!
Их му-учила жажда в конце концов,
Йо-хохо, и бутылка рома!
Им стало казаться, что едят мертвецов,
Йо-хо-хоу, и бутылка рома!
Что пьют их кровь и мослы их жуют,
Йо-хохо, и бутылка рома!

Ида, развалившись на траве рядом, смеялась и хлопала в ладоши: так забавно он изображал пирата, размахивая дымящейся веткой в правой руке, как абордажной саблей.

– Вот тут-то и вынырнул чёрт Дэви Джонс,
Йо-хо-хо, и бутылка рома!
Он вынырнул с чёрным больши-ым ключом,
Йо-хо-хо, и бутылка рома!
С ключом от каморки на дне-е морском,
Йо-хо-хо, и бутылка рома!
Тарасил глаза, как лесна-я сова,
Йо-хо-хо, и бутылка рома!
И в хохоте жутком тряслась голова,
Йо-хохоу, и бутылка рома!
Сказал он: «Теперь вы пойдёте со мной,
Йо-хо-хо, и бутылка рома!
Всех вас схороню я в пучине морской».
Йо-хо-хоу, и бутылка рома!
И он потащил их в подводный свой дом,
Йо-хо-хо, и бутылка рома!
И запер в нём двери тем чёрным ключом,
Йо-хо-хо, и бутылка рома!

А потом они, вытянув ноги, блаженно грелись у костра, бросая в огонь остатки импровизированного завтрака. Пламя, явно недовольное хитиновыми крошками и хвоей, сердито трещало и плевалось искрами.

Солнце тем временем поднялось в зенит; заметно потеплело. На зеркальную гладь озера, хрипло крича, опустились какие-то краснопёрые птицы, похожие на уток. Они ловко ныряли, выскакивая уже с рыбой в клюве, и торопливо глотали её. Крадучись по берегу, Глеб хотел поймать одну из них, чтобы присовокупить к рачьим клешням, но только испугнул всю стаю. Обиженно горлая, птицы красным облаком скрылись за холмом. Повязка Глеба окончательно свалилась, и Ида забинтовала голову раненого заново, туже и крепче. Ухо покрылось чёрной коркой, но уже не кровоточило.

Сложив ужин в бывшую косметичку, женщина сказала:

– Нам бы надо людей найти. Мы в одиночку долго не протянем.

– Ты же слышала, что кот кричал, – ответил Глеб, швыряя камешки в воду. – Нам надо найти какой-то латырь-камень.

– И ты действительно надеешься его найти здесь?

– Вряд ли здесь, – парень обернулся и окинул взглядом каменистую пустошь. – А вот за тем холмом очень даже может быть.

– Пёс с ним... Ну... пошли тогда... может, встретим кого... – предложила Ида.

Глеб набросил плащ и затушил костёр.

Они обогнули озеро по правому берегу, там, где белые валуны громоздились друг на друга, как обломки старой крепости. По крутому склону пригорка приятели шли, то и дело, помогая друг другу, чтобы не оступиться.

За высоким холмом раскинулось широкое поле. Пологая, ровная степь, поросшая ковылём, лютиком и пастушьей сумкой, тянулась до самого горизонта. Ветер перебирал макушки трав, которые колыхались, как морские волны. Высоко в небе заливался жаворонок.

Спутники переглянулись и бодро зашагали по мягкой зелени. Ида сорвала травинку и деловито сунула между зубов. Глеб хмыкнул, и эффектно продемонстрировал более длинный стебелёк пырея в уголке рта, но не заметил, что зацепил ещё и одуванчик. Пока он отплёвывался от горького сока, Ида хохотала до слёз.

Степь во всю грудь дышала жизнью: из-под ног вспархивали спугнутые перепёлки, среди травы шныряли невидимые мыши, над головой тяжело гудели жуки, а среди клевера надрывались кузнечики. Изредка с места срывались неподвижные коричневые столбики – шустрые суслики. Горьковато пахло полынью и диким горошком.

Солнце пригревало так, что приятели сняли плащи, затолкав их в дорожную суму, которую тащили по очереди. Даже от земли шёл обжигающий жар, и женщина вслух посетовала, что не было фляжки, чтобы набрать воды в озере. Глеб предложил сбросить сапоги, и дальше они шли босиком.

Над безбрежным морем травы дрожало прозрачное марево. Путники брели всё медленнее, изнемогая от жары, пока не догадались обмотать макушки самодельными бинтами.

Импровизированные головные уборы породили новые причины для смеха: приятели дурачились, изображая калифа и визиря в чалмах:

– Не будёт ли любэзен многоуважаемый калиф? – пафосно вопрошал Глеб, задрав нос.

– Будёт, будет! Шашлык из тэбя будёт! – дразнилась Ида, и над степью раздавался новый взрыв хохота.

Ближе к полудню они наткнулись на широкую дорогу, всю в рытвинах и ямах. Здесь много ходили и ездили: трава давно вытоптана, только серая пыль покрывала колдобины и колеи от множества колёс.

У приятелей загорелись глаза: настолько радостным оказалось напоминание, что они здесь не одни.

– Смотри-ка, дорога явно к людям ведёт... Может, мы и выбраться отсюда сможем... – заволновалась Ида.

– Кот сказал, что нам нужен латырь-камень.

– Ты что, ему веришь? – удивилась она.

Глеб помялся, давя на верхнюю губу указательным пальцем, и нехотя сказал:

– Когда я сюда попал, я с приличной высоты навернулся. Позвоночник сломал. Шевельнуться не мог. А он меня как-то вылечил. И не спрашивай как! По мне так он – единственный, кому здесь можно доверять.

«А я?» – подумала Ида, но промолчала.

Они долго шли по обочине, не решаясь надеть сапоги и ступить на пыльный тракт. Прохладная трава шуршала по босым пяткам путников, разгоняющим клопов и суетливых муравьёв, высокие стебли ковыля щекотали лодыжки. Каждый молчал о своём. Ида думала о том, что на работе придётся писать заявление на отпуск задним числом, а Глеб гадал, осталось ли от него что-нибудь на асфальте.

«Станный парень... Необычный какой-то. Они же все грубят обычно... а этому надо на сцене выступать. Так отжигает! – размышляла женщина. – А вот мама, блин, меня потеряет...»

«Ненормальная какая-то тётка, – думал парень, – с ней почти так же весело, как с Егорычем. Хотя, это не одно и то же. Сколько ей лет?»

Ида первой увидела здоровенный булыжник, издалека сильно смахивающий на чьё-то надгробье.

– Смотри! Что это такое?

Прямо на дороге стоял огромный мраморно-белый валун с вкраплениями медового янтаря. Сразу за исполином в разные стороны тянулись три серые пыльные ленты.

– Точка нашего randevу, – ответил Глеб.

– Бел-горюч камень-Алатырь... – задумчиво процитировала на память Ида, без особого успеха пытаясь поверить своим глазам.

Подойдя ближе, приятели рассмотрели надпись, выбитую на стёсанной впереди плите. Крупные кириллические буквы почти стёрлись от древности.

– Направо пойдёшь – жена-ту быть, – зачитывал Глеб, с трудом продираясь через некоторые незнакомые знаки, – налево пойдёшь – ко... моня потеряешь. Прямо пойдёшь – у... битым быть... Я смотрю, у нас тут интересные перспективы разворачиваются...

Ида нервничала. Ей явно было не по себе: привычный мир переворачивался с ног на голову, совсем не заботясь о том, едет ли у неё от всего этого крыша или нет. Этот камень никак не вписывался в ту реальность, которую Ида знала, и если бы женщина могла, она тут же вычеркнула бы Алатырь из сознания.

– Пойдём налево, – буркнула она. – Там, где этого... комоня потерять...

Глеб безрадостно рассмеялся.

– Это испытание. Испытание, понимаешь? Какую дорогу выберешь – такая судьба и будет.

– Ну, – кивнула Ида, совсем не разделяя мнения спутника, – надо выбрать левую дорогу, комо... коня-то у нас нет!

Парень упрямо покачал головой:

– Ты помнишь, как в сказках кончали те, кто выбирал эту дорогу?

– По-твоему, мы сейчас в сказке?!

– Это испытание, – твердил Глеб. – Если выберем «право» или «лево», можем смело прощаться с жизнью. А так нам ещё хоть что-то светит.

– Господи! Вот ведь бред! – рассердилась Ида, гневно сверкая своими синими глазами. – Неужели нельзя хоть раз подумать головой?

– Не в этот раз, – усмехнулся Глеб, и абсолютно серьёзно добавил, – надо «прямо» выбрать. Нутром чую.

Парень почти слышал, как Ида скрипнула зубами, не решаясь признать и озвучить, что всё-таки последует по тому пути, что выбрал он.

– Чёрт бы всё это побрал! – выругалась она, и зашагала к обочине прямой дороги.

Глеб счёл за лучшее промолчать. Обогнув камень, он догнал женщину и отнял увесистую суму.

Солнце немного склонилось, и теперь пекло меньше. К многочисленному хору кузнециков добавились редкие комары и мошки. Вяло отмахиваясь, путники продолжали идти, вытирая со лбов пот.

Вдоль дороги потянулись заросли ежевики и шиповника.

Ида злилась молча. Разум никак не мог смириться с этим проклятым камнем, откуда ни возьмись выросшим на распутье. С детства мать твердила ей, что сказок не бывает, а сейчас Алатырь тяжёлой громадой нависал над этим убеждением, угрожая раздавить его в пыль.

«Ну, и как мне теперь действовать: как сказочной героине (прости господи!) или как нормальному человеку? – раздражённо думала она. – Как там, в сказке: и прислал Иван-царевич все головы чудища матери в подарок... Кретинизм!..»

Глеба же всё происходящее страшно веселило. Он бы с удовольствием поглазел на чудо-юдо о двенадцати головах или пожал руку какому-нибудь Ивану-дураку, но постепенно всё больше приходил к мнению, что роль последнего отведена им обоим.

После того, как он перемахнул балконный поручень, жизнь понеслась, как феррари, выходящая на прямую в «Формуле-1». У Глеба просто дух захватывало от таких неожиданных поворотов, мало того, ещё не выйдя с этого виража, он с нетерпением предвкушал следующий.

К вечеру, когда солнце накалилось докрасна, на горизонте показались редкие деревца, постепенно переходящие в густой смешанный лес.

– Нам точно туда? – недовольно спросила Ида, натягивая сапоги.

Глеб кивнул, доставая плащи.

– Уверен?

– Нет, – покачал головой парень, – но дорога уходит туда.

Ида вздохнула и убрала бинты в заметно полегчавшую суму.

Тракт действительно вёл в лес, густой и неприветливый. Первыми гостей встретили голодные стаи комаров, которых пришлось отгонять сорванными ветками. Над дорогой нависали тяжёлые кроны лип и берёз, перемежённые неприступными разлапистыми елями.

Полумрак ещё разрезали розоватые закатные лучи, но свет уже заметно гас.

Все звуки уже постепенно стихали, только неслось где-то недалеко кукушкино ауканье:

– Ух-ху! Ух-ху-у!

– Кукушка-кукушка, сколько мне жить осталось? – по привычке спросила Ида.

Кукушка тут же умолкла.

– Дура, – пожал плечами женщина, пытаясь скрыть непрошенную тревогу.

Спутники брели довольно долго, и углубились в самую чащу. Стемнело довольно быстро: усталый свет красноватого солнца ещё пытался пробиться сквозь мощные ветви круглолистных осин, но сосны и ели глушили его. Птицы сонно отзывались на вялую переключку из своих гнёзд, лиловая тишина окутывала лес.

– Эта дорога, походу, через весь лес насквозь идёт, – отметил Глеб.

– Надо на ночь устраиваться, – решительно предложила Ида. – Я уже ничерта не вижу.

Заночевать решили у дороги, рядом с кустами шиповника, чтобы не пропустить возможных путников. Ида разожгла костерок между двумя толстыми соснами, занимался он неохотно, не особенно жалуя старые шишки и сухие ветки с жёлтой хвоей. Чтобы не лазать по темноте в поисках дров, Глеб приволок ствол сломанной молодой берёзы.

– Огонь сам всё сделает, и рубить ничего не надо, тем более, что нечем, – сказал парень, – только успевай пододвигать свежее дерево в костёр.

Без воды пришлось туго, но выяснилось, что Глеб набрал немного ежевики. После жареных раков ягоды пришлись как раз кстати, хотя так и не насытили до конца. Желудки приятелей недовольно урчали, переваривая непривычную пищу.

Симфонию кузнечиков сменил хор сверчков – более громкий и настойчивый, он врезался в уши назойливой ритмичной песней. В чистом небе взошла половинка молодой луны, усталым друзьям, вытянувшим гудящие ноги к костру, она казалась то долькой дыни, то куском дырчатого сыра, то гигантской краюхой хлеба, то ломтиком апельсина. На ультрамариновом бархате холодными каплями росы звеняще рассыпались звёзды. Приятели лежали на расстеленных плащах и молча смотрели в бездонное небо. Ираида тосковала, помня о предстоящем ночном дежурстве: прошлую ночь она чуть с ума не сошла от роя совершенно неожиданных и непрошенных мыслей, от которых обычно избавляла работа и бытовые проблемы. Она думала сразу обо всём: о смысле жизни, о бесконечности вселенной, о несостоятельности Кости и о чрезмерной заботе матери.

«Нет, человеку совершенно невозможно оставаться наедине с самим собой!» – решила она и уже повернулась к Глебу, чтобы озвучить эту гениальную мысль, как он настороженно прошептал:

– Тихо! Смотри вверх!

Над ними медленно проплыли три гигантские фигуры. В неверном свете луны и жёлтых отблесках костра удалось разглядеть сначала лохматых коней, а затем и всадников. Первый был широкоплеч и бледен, его длинные седые волосы развевались за спиной, цепляясь за внушительную рукоять меча. Белесые глаза устремились куда-то вперёд. У луки седла тускло блестела крупная медная чаша. Второй – рыжий, румяный, в алой рубаше, на груди вышито лучистое щекастое солнце, летел, пряча лёгкую улыбку в густой бороде. Голубые, как васильки, глаза, зачарованно уставились за горизонт. Третий – сутулый, угрюмый, как болотная пустошь, в тёмной рубаше с вышитым топором, окружённый чёрными развевающимися космами, неся, хищно вглядываясь в даль. Агатовые глаза подозрительно выглядывали из-под косматых сросшихся бровей.

Приятеля медленно сели, а потом и привстали, чтобы лучше разглядеть всадников. Круглые копыта коней беззвучно печатали воздух. Ида могла отлично рассмотреть кожаную подпругу на животе животных (даже глубокую царапину на одной из них), часть потника и подошвы сшитых вручную сапог. Для полной убедительности слева от костра посыпались крупные конские яблоки. Глеб отпрянул, Ида захлопнула рот и отступила в колючий шиповник. Всадники неспешно удалялись, медленно плывя в сторону луны, и не замечая двух людей.

Женщина почесала в затылке и вернулась к костру.

– Ты заметил, – спросила Ираида, – у них стремян не было.

– Да, оригинальные парни, – кивнул Глеб, отряхивая на всякий случай рубашку и подсаживаясь обратно к огню.

– Ты знаешь, я ведь их где-то видела... – задумчиво начала женщина, её глаза вдруг округлились, и она вцепилась в рубашку Глеба.

– Красный, белый и чёрный! Красныйбелыйичёрный! Это же символ! Символ! Не могут они быть такими реальными! Не могут и всё тут! Я же читала сказки в детстве... Я помню!.. про Василису, что ли... там это были... день, ночь и утро! Да, утро!

Глеб хмуро смотрел в красноватые угли. На его усталом лице багровели отблески огня, глаза загадочно блестели.. На верхнюю губу вернулся указательный палец – знак того, что парень размышляет.

– А я читал о трёх братьях. Мифы, конечно, но похоже. Один жил в Красном или Золотом царстве, другой в Белом или Серебряном, а третий в Чёрном, уже не вспомню, как оно ещё там называлось.

– Глеб... – тихо спросила Ида. – Куда мы попали?

– Кот бы объяснил. Сюда бы этого кота, – сказал Глеб. – Интересно, где он?

– Кис-кис-кис, – упавшим голосом позвала Ида на всякий случай.

Из непроглядной, как дурной сон, ночи ей с готовностью ответил криком филин. Его поддержал холодный смех козодой. Затем всё замерло в глуши.

– Вот дерьмо, – сплюнула Ида.

Однако, из-за странной встречи небесных всадников, дежурство оказалось менее напряжённым. Подвигая в костёр берёзовый ствол, Ида перебирала в уме все сказки, легенды и предания, где только встречались эти три странных брата. Она сделала вывод, что появлялись они всегда почему-то чаще глухой ночью, и редко рано утром. Причём именно тогда, когда герой отправлялся в опасный путь.

«Они – пограничники, – внезапно поняла она. – Стерегут вход в другие миры. Такой же вход, как та арка на фотографии Маденова, только его не видно. Наверное, мы пересекли какую-то границу у камня...»

Когда от берёзы осталась треть, Ида разбудила Глеба и завернулась в плащ. В лесу спалось лучше, чем у озера: почти ни откуда не дуло, от костра шло тепло, а трава не подпускала холод от земли.

Ей снилось, будто на поляне выросли красивые кусты, вместо ягод висели жареные куриные окорочка, а вместо листьев – ароматные беляши. Она хватала их, ела, ела, смутно осознавая, что если верить сонникам, есть во сне – к беде, но остановиться не могла. Потом в воздухе поплыли стеклянные кувшинчики – один с апельсиновым соком, второй с молоком, третий с водой, и Ида торопливо брала их, жадно глотала содержимое, не напиваясь, отбрасывала пустые и снова брала. Женщина вспомнила, что Глеб тоже голоден и попробовала набрать еды для него, но одна из веток, разогнувшись, наотмашь ударила её по лицу. Ида вскрикнула и проснулась.

– Очухалась, потаскуха?! – радостнодохнул ей в лицо кто-то запахом больной печени.

Женщина попыталась вскочить, но чья-то широкая лапища сжала её горло и пригвоздила к земле.

– Мальца убить, бабу оставить, – распорядился кто-то рядом.

Ида повернула голову и увидела, что костёр затоптан, а Глеб, со связанными за спиной руками пытается сесть, но при каждой попытке его награждает пинками по рёбрам какой-то мужик. Женщина истоиво задёргалась, пытаясь вырваться, но на горло надавили так, что она захрипела.

– Сиди, баба, – глухо проворчал незнакомец, и добавил в сторону, – Ушак, вяжи, я держу.

Пока второй разбойник стягивал запястья колючей верёвкой, боковым зрением, Ида успела отметить, что на поляне хозяйничало то ли семь, то ли восемь мужчин весьма неприятного вида. У многих сапоги просили каши, рубахи и штаны чистили прорехами, а неоднократные почёсывания колтунов наводили на мысль о вшах. Тот, в поношенной душегрейке, который пинал Глеба, выхватил из-за пояса здоровый тесак, затем, чтобы выполнить приказ главаря – невероятно широкоплечего чернобородого мужика с узкими глазами.

– Не надо! – хрипло крикнула Ида и закашлялась, извиваясь в попытке принять вертикальное положение.

Разбойники расхохотались, с высоты собственного роста разглядывая поверженную добычу. Глеб в это время успел немного отползти к шиповнику.

Иде, наконец, удалось исхитриться и сесть, оперевшись на ствол сосны. Она с ужасом ловила на себе хищные мужские взгляды, а чаще других – рябого, с бегающими глазами. Когда мужчина ест тебя таким взглядом, это означает только одно: пора брать ноги в руки и делать ноги. Кроме того, женщине всё время казалось, что со спины его окружает какая-то гадкая тень, склизко натекая на штаны, прямо между ног.

Главарь тем временем деловито расправил усы, и важно кивнул разбойнику в душегрейке. Довольно оскалившись, тот прыгнул вперёд. В ручище снова блеснул тесак.

– Подождите! – крикнул Глеб. – Раз уже всё равно убьёте, исполните хоть последнее желание! А то по ночам вам являться буду!

Ида с затеплившейся надеждой смотрела на смельчака. Главарь перестал щериться и задумался, почёсывая кудлатую бороду. Очевидно, его расстроила перспектива ночных свиданий с покойником.

Атаман неспешно поймал вошь, казнил её на ногте, и спросил:

– И чего же ты хочешь, паршивец?

– Песню спеть, – просто сказал Глеб. – Повеселить вас перед смертью.

Ида сдавленно застонала. Главварь снова раскатисто расхохотался, за ним заулыбались и остальные разбойники: надо же, дурачок попался, повеселить хочет. Парень вздохнул про себя с облегчением: бандитов удалось заинтриговать, вон, как глаза загорелись. Разбойники неторопливо расселись на земле, предвкушая предложенное развлечение.

Усатый с носом, покрытым сетью лопнувших капилляров, глухо откашлялся и прохрипел:

– Ну, давай... повесели... паршивец!

– Развяжите, так петь неудобно – грудь расправить нужно.

Тип в душегрейке оскалился и потянулся за тесаком.

– Развяжите хлопца, – милостиво кивнул главварь.

«Хлопца» развязывали долго – узлы затянули слишком сильно, но верёвку резать не пытались – пригодится ещё. Глеб встал, расправил плечи, откашлялся, потёр запястья и пару раз глубоко вдохнул.

Воспоминание пронеслось синей молнией. Александра Степановна, учительница по пению, часто повторяла Глебу, что у его голоса хорошее будущее, нужно только кропотливо работать над ним. Естественно, парень бросил музыкальную школу три года назад к большому разочарованию преподавателя. Он и сейчас её помнил: высокая, худая, в заношенной бежевой кофточке, с седыми волосами, собранными в шишку на затылке. Круглая бородавка не уродовала узкое лицо, учительница напоминала Глебу, скорее, старую фею, чем ведьму. В уголках её глаз затаились непрошенные лучики морщин, серые глаза смотрят строго и требовательно, узкие губы настойчиво и высоко твердят:

– Глеб, здесь нужно было взять выше: верхнее соль, а вот здесь ты не дотянул, нужно было ещё подержать, а потом уже переходить ко второму куплету. Давай-ка, друг мой, попробуем ещё раз, начнём прямо с «ромашек»... ииии!..

От Александры Степановны всегда пахло старой пудрой и каким-то травяным настоем, то ли мать-и-мачехи, то ли шалфея. Глебу нравилось вдыхать эту сладковато – горькую смесь. Пожилая учительница была единственным, что воодушевляло к пению среди старых стен школы с облезшей штукатуркой и белой краской, барханами вздувшейся на подоконниках. Парень знал, что своих детей у Александры Степановны не было: сын погиб в чеченскую войну. Возможно, поэтому пожилая дама так любила Глеба и заботилась, иногда подкармливая пирожками и даря на день рождения тёплый шарф, связанный своими руками. Глебу не слишком нравился репертуар, который они вместе разучивали: старинные пафосные романсы, оперные партии, этюды к театральным постановкам и тяжеловесные классические произведения (кроме одного латинского гимна, который довелось исполнять на концерте). Ему больше по душе были простоватые народные песни, их дикость и необузданность, казалось, придавали сил. Одну из таких он исполнял на каком-то празднике, посвящённом музыкальной школе. Вспомнив слова, он быстро промычал про себя тональность и ноты.

«Была – не была!» – подумал Глеб.

Он начал негромко и, как будто неуверенно:

В последний раз поёт кукушка,
В полях колыхнется трава,
В последний раз моя, хмелея,
Кружится буйна голова.

В последний раз моя, хмелея,
Кружится буйна голова.

Но затем сильный, красивый голос победно взмыл над верхушками сосен:

В бою неравном пал сражённый
Тяжёлым вражеским мечом,
И кровь червонная бежала
По телу сильному ручьём.

И кровь червонная бежала
По телу сильному ручьём.

Ида изумлённо хлопала глазами: лес, казалось, весь сверкал от избытка цвета и звука; прямо золотились стволы и листья, слышно было, как ударялись друг о друга еловые иглы.

Глеб тем временем проникновенно закончил, сбавляя тон:

Поднимем, братья, полны чаши
За тех, кто спит глубоким сном,
Они хранили жизни наши,
Пусть спят спокойно в мире том.

Они хранили жизни наши,
Пусть спят спокойно в мире том

Тишина стояла долго, как показалось Иде. Она даже успела сглотнуть комок, образовавшийся в горле и проморгаться – так щипало глаза. Сердце стучало часто и громко: она ведь только что была на поле боя, на котором, распростершись, лежал мёртвый воин и смотрел в сумрачное небо. Ида не помнила, чтобы её так впечатляла простая песня.

«Быть может, всё дело в его голосе? Разве обычный человек может так петь?»

Она обвела взглядом разбойников и с пониманием увидела печаль, отпечатавшуюся на их хмурых лицах. Усатый сидел, подперев рукой подбородок, и невидяще уставился в землю, главарь нервно теребил многострадальную бороду, а вот у рябого глаза по-прежнему бегали, не решаясь остановиться на чём-то конкретном. Тень на штанах увяла, но чувствовалось, что она лишь затаилась, выжидая, когда снова сможет наброситься.

– Иди, – наконец, выдохнул атаман, глядя куда-то вдаль, на что-то ведомое ему одному. – Иди и не попадайся мне больше. Повезло тебе, что скорблю я по брату своему названному, намеренно убитому... А если услышу хоть где-нибудь, что Третьяк Душегуб тебя на волю отпустил – найду и собственноручно шею, как курёнку, сверну...

– Женщину отпустите, – попросил Глеб.

– А не много ли ты предсмертных желаний захотел, сопляк?! – вскинулся рябой с подлым взглядом. Он выхватил тесак, не переставая раздевать глазами женщину.

«Этот безнадежен, – определил про себя парень. – Его одного не проняло. У него даже глаза, как у тех, в красном».

Теперь и ему стала видна уродливая тень, опоясывающая рябого со спины и принявшая совсем уже неприличную форму.

– Если не отпустите – убивайте и меня тоже, – хмуро опустил голову Глеб.

– Цыц, Блуд! – рявкнул атаман. – Мало тебе дочерей кузнеца из Гремучего Лога? Мне до сих пор снится, как они орут!

– Ты стал таким кротким, Третьяк, – сплюнул Блуд. – Как бы кто другой не проснулся от твоих кри...

Фразу оборвал тяжёлый кулак главаря. Третьяк свирепо навис над скорчившимся рябым, прижимающим ладонь к сломанному носу.

– Ступайте, пока не передумал! – глухо бросил через плечо атаман.

Глеб помог Иде подняться, и они, пользуясь тем, что разбойники занялись расправой над Блудом, поспешно подхватили суму, и рванули в лес, прочь от костра. Парень старался нащупать крепкий узел, и, когда ему это удалось, потянул верёвку на себя. Женщина вздохнула с облегчением, разминая затёкшие запястья. Только сейчас Ида заметила, что трясётся от страха – плечи мелко подёргивались.

– Спасибо, – прошептала она, – спасибо тебе. И за жизнь и за песню. А я и не знала, что у тебя такой... красивый голос...

– Не за что, – пожал плечами в темноте Глеб. – Если бы главарём был тот, рябой – ничего бы не получилось, он безнадёжный человек.

– Безнадёжный?

– Да. Был у меня одноклассник, голубей душил, кошек на огне жёг, в собак из пневматики стрелял. И ничего его не брало: ни родители, ни учителя, ни самые лучшие друзья. Однажды он девчонку соседскую сильно избил и изнасиловал, в колонию его посадили. Так и там он кого-то убил, говорили, не удержался перед соблазном, что ли... Моя мать говорит, что для таких нет ничего святого, что бы про совесть напоминало, пропащие люди. Вот и тот такой же. Ладно, пошли-ка отсюда побыстрее, кто этих дебилов знает, может, передумают...

– Вот и предсказание, Г-глеб, – дрожа, отметила Ида, – если бы не ты, убитыми нам быть.

Оба они решили умолчать об увиденной теневой небывальщине – мало ли, может, почудилось, а напрасно подозревать друг друга в опасных галлюцинациях не хотелось никому. Спутники поспешили вглубь леса, петляя и делая большой круг от разбойников.

Глава 6.

Скупой платит дважды

Друзья бежали, перескакивая через поваленные стволы и трухлявые пни, стараясь, как можно быстрее увеличить расстояние между собой и шайкой Третьяка Душегуба.

От шума крови у Иды звенело в ушах, но она расслышала запыхавшийся голос Глеба: – погоди, постой... я вроде ручей слышу...

И действительно, в густой чаще, сразу за вывороченной сосной, звенел небольшой ручей. Он вился между светлых пятнистых берёз, лёгкий и прозрачный в своём глубоком ложе. Ида и Глеб с жадностью принялись пить, а когда напились, умылись чистой ледяной водой, вновь жалея об отсутствии фляжки.

– Вот найдём какой-нибудь город, – утешила женщина, – и купим, деньги-то у меня есть...

– Много?

– Ну, монет десять будет... медных... наверное, всё, что было в кошельке превратилось в эти медяки... Жалко, что я зарабатываю так мало... О, что это так приятно пахнет?..

Ида поняла, что аромат идёт от пушистых листиков мяты. Женщина с удовольствием натёрла ею виски и запястья, и нарвала ещё, так приятно было снова ощутить свежесть.

Затем она осторожно промыла ухо Глеба, вылив на него остаток жёлтого зелья, отдающего солодкой.

– Я прям Пьер Безухов, – пошутил парень, но Ида не разделяла его оптимизма: несмотря на то, что внутреннее ухо было не задето, чёрные коротко стриженные волосы открывали на обозрение жутковатый обрубок. Он уже почти зажил, но каждый раз, когда женщина натыкалась на него взглядом, в памяти всплывали страшные люди в багряном. К счастью, опухоль на скуле начала спадать и желтеть. С плечом Иды дело обстояло почему-то хуже: рана лишь немного затянулась, но до шрама ей было ещё далеко. Поменяв повязки, спутники поторопились выйти из леса, Глеб был вполне уверен, что Третьяк Душегуб может передумать в любой момент.

После передышки у ручья идти стало веселее: голод немного затих, и друзья бодро зашагали по изумрудным мшистым кочкам, уже привычно обирая по пути землянику и чернику. Судя по тому, что ягоды встречались всё чаще, путники скоро должны были выйти на опушку, которая и не замедлила предстать взору – залитая солнцем, золотистая, как звонкий летний день. Мрачные ели отступили, открыв холмистую поляну с кустами орешника и ракиты.

Время подходило к полудню, когда друзья наткнулись на старую дорогу. Гадая, тот же это тракт, который они так легкомысленно избрали, или нет, спутники побрели по обочине, с удовольствием сняв жаркие сапоги и тяжёлые плащи. Скоро невдалеке показалась крупная деревня на пригорке – к ней-то и вёл путь. Приятели с новыми силами поспешили к селению, уже предвкушая, что закажут в трактире.

После лесной тишины Иду и Глеба оглушил шум крупной деревни, которая, судя по всему, в скором времени готовилась стать городом. Крепостную стену только начали возводить: несколько строителей в серых рубахах заливали смесь в деревянные формы, тогда как другая группа вынимала уже готовые длинные глиняные кирпичи и выкладывала их на фундамент. У въезда в селение на дороге теснилось с десятков телег, гружённых клетками с курами, загончиками с печальными свиньями, блеющими овцами, тяжёлыми сундуками, душистым сеном, и холщовыми мешками, набитыми до отказа репой. В воздухе царили запахи ядрёного пота, навоза и крепкий мат: все возницы, приподнявшись на повозках, бра-

нились, потрясали крепкими кулаками и грозили кому-то далеко впереди. Протиснувшись между обозами, друзья пробрались к началу очереди. Войти без платы им посчастливилось благодаря ссоре купца со стражниками: первый, красный от гнева, возвышаясь на телеге, плевался и орал на них, обвиняя в непомерной алчности и страдая близким знакомством с самим старостой. Те же, увлѣкшись перебранкой и упражнениями в изобретении самых страшных ругательств, безуспешно пытались достать торговца, то и дело забавно подпрыгивая и грозя копьями. Ида и Глеб решили не мешать людям развлекаться, и незаметно проскользнули мимо купеческих телег, перегородивших всю дорогу.

Грохот, вопли, стук и лязг металла навалились на приятелей со всех сторон: где-то кузнец колотил по наковальне, по деревянной мостовой, усыпанной гнилым сеном, совсем рядом простучал дробный конский топот – кто-то пронёсся в сторону ворот, откуда-то из глубины, скорее всего, с рынка, доносились призывные крики торговцев. Узкие, кривые улочки, вились между бревенчатыми домами с окнами, затянутыми бычьим пузырём. За кривыми заборами глухо лаяли псы и гоготали гуси, скрипнула калиткой женщина с коромыслом, плеснув водой на доски, куда-то промчался босой мальчишка с тяжѣлым мешком на плече, двое бородатых мужчин в расшитых рубахах, перепоясанных красными кушаками, вальяжно вышагивали, скрипя новыми сапогами.

Обогнав румяную женщину с большой корзиной, друзья отправились вверх по широкой, очевидно, главной улице, окружённой крепкими дворами с высокими воротами. Они остановились у низкой приземистой избы, которая уходила глубоко в землю. Под крышей виднелась деревянная дощечка с криво намалѣванными красными буквами: «Корчма». Из широкой трубы валил дым.

Приятели спустились по лестнице и хлопнули шаткой дверью. Внутри было темно и чадно. Кисло пахло щами и уксусом. Свет едва проникал сквозь узкие окна у самого потолка. Небольшой трактир вмещал восемь длинных столов с лавками, придвинутыми к глиняным стенам. Семь из них были заняты: за одним жарко спорили три подвыпивших торговца, за двумя другими обедали, гремя кольчугами, шестеро воинов. За остальными что-то жевала пара бродячих артистов с дорожными узлами, пьяница, горько рыдающий на плече собутыльника, и цыган с золотой серьгой в ухе, а в конце зала красноносый старик тоскливо опорожнял кувшин в гордом одиночестве. Справа, у очага, маленькая женщина в грязном переднике помешивала сомнительное варево. Рядом, у стола повыше, похожего на конторку, суетился пузатый хозяин в засаленной душегрейке поверх рубахи. Когда он нагibalся, чтобы пересчитать монеты в глубоком кармане под брюхом, на его лысине играли блики от огня. За спиной корчмаря, очевидно, находилась кухня: оттуда неслись крики, стук посуды и резко тянуло пережаренным луком. Женщина поморщилась: лук она терпеть не могла ни в каком виде. Глеб сглотнул образовавшуюся слюну и потащил Иду к конторке.

– Что сегодня в меню? – хрипло спросила она у хозяина, и осеклась.

– Чаво-о? – недовольно протянул тот, переваливаясь вместе с необъятным брюхом через конторку, и подозрительно кося чѣрным глазищем.

Помявшись, Ида достала пять медных монет. Судя по нездорово радостному блеску во взгляде корчмаря, она переплатила. Но есть хотелось так сильно, что женщина не стала торговаться.

– Вот... Нам бы поесть... И попить...

– И с собой, – твёрдо добавил Глеб, морщась от боли в рѣбрах.

Корчмарь смерил его презрительным взглядом, и, обернувшись к женщине у очага, крикнул:

– Пятунька! А ну подавай гостям полбу, да пожирнее!

Приятели уселись на жѣстких лавках за пустующим столом, гадая, что же это такое они «заказали». Переваливаясь уточкой, Пятунька поставила на стол дымящийся чугунок,

а спустя ещё пару минут – пирог с рыбой на плоской глиняной тарелке. От аппетитного аромата друзья чуть начали есть полбу руками, но вовремя вспомнили про ложки.

– А чаво это у вас, своих нетути? – удивилась Пятнуйка, наморщив нос картошкой, и заправляя за платок седую прядь. – Ичас принясу.

Схватив в одну руку ложку, а в другую кусок пирога, приятели с жадностью набросились на горячую кашу. Ида сразу же обожгла язык, а Глеб нёбо. Шипя и ругаясь, они вновь атаковали полбу, исходящую паром. Вкусно было до слёз, хоть и не совсем похоже на ту пшёнку, от которой они воротили нос дома – попадались непроваренные зёрна вперемежку со внушительными кусками свиного сала. А предусмотрительная Пятнуйка уже принесла корчагу с чем-то ароматным и две большие кружки. Запивая большими глотками плотный ужин, Ида закашлялась:

– Ёл-кхи! Палки... Это что такое?

Глеб опрокинул кружку, обнюхал края и задумчиво заявил:

– Знаешь... смахивает на медовуху...

Сверкнув глазами, женщина икнула и улыбнулась:

– Да и пёс с ним. После сегодняшнего утра явно не повредит.

За пирог, ложки, флягу с водой и пару берестяных кружек пришлось выложить корчмарю ещё три монеты. Ида скрипнула зубами, бормоча, что в следующий раз им придётся продавать что-нибудь ненужное, а чтобы продать что-нибудь ненужное, нужно купить что-нибудь ненужное, а у них денег нет. Но делать было нечего. Только медовуху, они не успели выпить до конца. Перелив её в берестяные кружки, друзья решили тянуть на ходу. И сытые, уже сравнительно довольные жизнью, выбрались наверх. Улица была полна народу, и Глеб крепко прижал к себе дорожный мешок. Проталкиваясь между группой мужчин, пропахших потом и мятой кожей, приятели двинулись вперёд, чтобы найти место в ближайшей таверне – заботливая Пятнуйка посоветовала остановиться в «Людье», приговаривая: «тама брат мой, он и за медяшку пустить, только кажите, что, мол, от меня».

Рядом с приземистыми корчмами и трактирами шумел, как безбрежный океан, рынок. Базарная площадь встретила жуткой какофонией воплей, запахов и пёстрых нарядов. От рядов со скотом сильно несло навозом, и приятели поспешили дальше, туда, где торговки – дородные румяные бабы, перегнувшись через деревянные лотки, наперебой расхваливали свои товары, размахивая пучками лука и моркови.

– А кому гароха! Капу-стки!

– Морковка! Свежая! Крепкая!

– Лу-чо-ок! Чесночок!

– А вот яйца! А кому яйца!

Протиснувшись к мясным рядам, друзья натолкнулись на необъятного мужика в окровавленном фартуке, который, отгоняя мух, снимал с крюка свиную тушу могучими ручищами.

Его сосед, скалясь беззубым ртом, протягивал полные горсти орехов:

– Одолела крушина – купи лешшины!

Буквально здесь же, на самой середине площади, колесом ходили скоморохи в красных колпаках, размалёванные артисты жонглировали яблоками и тут же ели их.

Вшивые нищие и юродивые, все в рваньё и ветоши, выкрикивали предсказания скорого Апокалипсиса, сопровождая противоречивые пророчества безумным хохотом, и протягивая к прохожим грязные руки за подаванием.

Рядом с цыганским шатром раздавались немелодичные вопли, перемежаемые переборами инструмента, смутно напоминающего то ли гитару, то ли лютню.

– Отворот-приворот! Красны-девицы, добры-молодцы! Найди охоту – прилепи парню сухоту!

Изрядно захмелевшая Ида слышала какие-то вопли сквозь толпу и предложила Глебу подойти ближе. Рыжий щербатый мужичонко голосил на все лады, перекрывая крики торговцев:

– Кто перепляшет Данька-волчка – тому и вы-руч-ка! А ну, живей, живей подходи, подходи-подходи, да и глядеть-погляди! За погляд-то не берём, только пляшем да поём!

Бубенщик, с невероятно хитрым лицом и узкими глазками, пользуясь небольшим перерывом, выравнивал сбитое дыхание и осматривал широкий кожаный бубен на предмет трещин. Широкоплечий и приземистый, заросший по самые глаза, бородатый, дударь сплёвывал в сторону, сжимая в грязных пальцах раздвоенную деревянную дудку.

Глеб протянул женщине её кружку, та сделала большой глоток и закашлялась. Медовуха обожгла горло, упала в желудок, опалилив всё и там. Нервы распустились, как обрезанные нити – резко и радостно, струнами зазвенев по всему телу и, как всегда, отдавшись в лодыжках.

– Смотри, как его колбасит! – кивнул Глеб на мужичонку, который вился, как вьюн, успевая делать ставки и выводя соревнующихся один за другим в круг.

– Ага, – согласилась женщина и отхлебнула ещё.

Начался новый тур, и музыканты завели свежую мелодию: весёлую, разухабистую.

«Там-та-ра-та-та!» – отдалось в голове Ираиды от ритма.

– А ну, пляши-пляши, пляши от души! Подходи честной народ! Становись-ка в хоровод! – соловьём заливался щербатый.

Дударь и бубенщик привычно брались за инструменты, толпа громко хлопала, орала и хохотала, пританцовывая: мотив действительно был очень весёлый, заводной.

«И где я слышала эту мелодию?» – гадала Ида, стараясь подпевать про себя.

Музыканты играли вполне профессионально: дуда легко перескакивала по нотам, зовя и рисуясь, а бубен ловко и чётко отбивал ритм.

– Талантливые ребята, – заслушавшись, вполголоса произнёс Глеб.

«Там-та-ра-та-та!» – с готовностью отозвались икры, лодыжки и ступни женщины, призывая отбить чечётку и прямо сейчас.

Ида всегда относилась к своим ногам с крайним подозрением. С определённой дозой спиртного они обычно начинали жить отдельной от неё жизнью: заслышав задорную мелодию, пускались в пляс, выписывая замысловатые кренделя. Проклятые конечности становились совершенно неуправляемыми, и по утрам особенно тяжело было выносить взгляды тех, кто менее активно куролесил рядом.

«Странно, – мучилась Ида, – сейчас день, а мне вечер мерещится... И белая статуя... люди вокруг... ступеньки холодные... и флейты, флейты...»

Глеб с интересом наблюдал за соревнующимися. Уже шестеро участников сошли с дистанции: обливающийся потом лысый мужик, хохочущий парень, заядлый гуляка, бородатый верзила, матерящийся без устали, какой-то горький пьяница и шустрый одноглазый мужичок.

Против Данька конкуренты не выстояли и десяти минут – он ещё только входил в раж, а у них уже заплетались ноги и сбивалось дыхание. Неутомимый плясун был невысок и широк в плечах. Ни капли жира, сухопарые ноги в широких портах и лёгких сапожках. Молодые глаза смотрят задорно, но складки у усмехающегося рта говорят о тридцати, а то и более годах.

«Там-та-ра-та-та!» – не отставала проклятая мелодия.

Ноги сами собой начали отстукивать заводной ритм.

«Нам же деньги нужны, так? – подумала Ида. – А этот рыжий вон уже сколько с людей содрал. Если что – отдам ему серёжки, они вроде серебряные. А так – чем чёрт не шутит?»

И всё громче шумела медовуха в ушах: «Там-та-ра-та-та! Там-та-ра-та-та!»

– Подходи-подходи! – радостно орал зазывала, ссылая выигрыш в тяжёлую мошну и пряча её за пазуху. – Мои грóши уводи! Перепляшешь Данька-волчка – тебе и вы-руч-ка!

«Ну, родимые, не подведите», – вздохнула Ираида, набрала в грудь побольше воздуха и крикнула:

– Я перепляшу!

Обернувшись сразу вся толпа, образуя коридор любопытных. Глеб запоздало попытался схватить Иду за руку, но та, вручив ему пустую кружку, уже уверенно шла вперёд.

«Да... храм... плиты холодные... жертвенники горят...»

И всё тело уже вовсю подпевало за проклятыми ногами – а те подтанцовывали под притихшую мелодию, собираясь дать жару.

Ида подошла к зазывале, деловито подбоченилась, хитро прищурилась и расправила плечи.

– Я перепляшу. Проиграю – получишь мои серьги – они из чистого серебра.

Щербатый недоверчиво попробовал кольца на зуб, поворчал, но остался доволен.

– Пляши, девка. Проиграешь – кольца мои. Выиграешь – все деньги твои.

Дударь откашлялся и набрал воздуха, прежде чем прильнуть к раздвоенной дуде. Бубенщик выправил сместившиеся пластинки и поднял инструмент в знак того, что готов. Данько усмехнулся, сплюнул на доски в грязном сене и встряхнул ногами.

– Начали! – неожиданно гаркнул зазывала, и музыканты грянули быструю мелодию.

Данько привычно отстукивал ногами ритм, а Ида, уловив пульс, поняла, что мотив откуда-то смутно знаком. Сразу вспомнились примитивные уроки русского народного танца на курсах подготовки к работе вожатой в лагере.

Веселье снова ударило в голову, и женщина принялась лихо отплясывать. Сапоги без каблучков стучали по доскам глухо, но часто, поддерживая ритм бубна и дуды.

Пятка-носок! Рраз-два-три! Пятка-носок! Рраз-два-три!

Оп-оп! Оп-на носках-разворот! Хлоп-хлоп! С пятки поворот!

Правой-левой – вперёд – назад!

Пятка-носок! Рраз-два-три! Пятка-носок! Рраз-два-три!

Ооп-оп! Рраз-два-три!

И плечи, плечи в такт: левое, правое, левое, правое. Ловко, игриво. Вот так! Да!

Сердце ухало часто и бойко: точно в ритм. Коса порастрепалась, сарафан ходил колоколом вокруг колен, кольца стучали по щекам. Ида раскраснелась и сверкала синими глазами. Она совсем не замечала, что рана на плече раскрылась и сквозь повязку сочится алый ручеек. Она видела яркое пламя жертвенников на фоне южной ночи и мраморные глаза гигантской статуи, флейты настойчиво влекли её за собой по широким плитам. Толпа уплотнилась и с новыми силами принялась орать и улюлюкать, подбадривая то женщину, то её удалого противника.

Данько не уступал: его ноги мельтешили, как крылья вспугнутой птицы, на лице играла ехидная ухмылка, короткие кудри вздрагивали над толстыми бровями.

– Что ж вы такую тоску играете, братцы?! – подзадоривала Ида музыкантов.

Те азартно перемигнулись, сменили мелодию на ещё более быструю, в которой женщине почудились ирландские мотивы.

«Или нет? Или всё те же флейты?...»

– Другое дело! – одобрила она, не останавливаясь ни на минуту.

Вправо-влево! Влево-право! Оп-оп-оп!

Подбородок вверх! Смотреть вперёд! Ууух! Там-там-та-та-там!

Рррам-там-та-та-тамм! Та-ра-дам-там-там! Оп-уоп-и вот так!

– До чего же весело! Под такую музыку и останавливаться-то грех! – успела выкрикнуть Ида перед очередным всплеском и ускорением мелодии.

Толпа неистовствовала: многие хлопали в ладоши, кто-то, не удержавшись, тоже приплясывал, кто-то напевал, кто-то топал в такт. Зазывала заметно нервничал, глядя на то, как выдыхается Данько. Плясун изо всех сил старался не подать виду, но движения его стали заметно медленнее, он теперь с натугой отрывал ноги от досок и совсем не успевал за ритмом. А вот Ида только-только расходилась: коса расплелась и тёмной змеей била по спине, на лоб налипли пряди, подол сарафана прыгал, не поспевая за владелицей, но сапоги чётко и ровно отбивали такт музыки. Мало того – она пыталась ещё и подпевать! Но теперь было заметно, что боль и усталость настигли её: дыхание срывалось, с рукава на доски сыпались кровавые бусины. Но мелодия никак не отпускала, заставляя двигаться всё быстрее и быстрее. Уже и музыканты хрипели и прерывались, то судорожно набирая воздух, то меняя руки, уже и толпа выросла до ста человек, болея больше за бесноватую, чем за известного плясуна, а женщина всё не собиралась останавливаться, ускоряя и ускоряя темп.

– Эй, ребята, чего заснули?! А ну, давай, ещё веселей!

Из последних сил дударь выжал пару куплетов и упал на грязные доски, тяжело дыша и закатывая глаза. Бубенщик обречённо опустил руку с бубном и опёрся на коллегу. Ида и Данько так бы и продолжали танцевать под одобрительные вопли толпы, если бы у плясуна не подвернулась бы нога, и он со стоном не повалился в объятия к музыкантам.

– Переплясала! Данька девка переплясала! – радостно-злорадно заорали в толпе. – Самого Данька переплясала! Ты гляди...

Женщина остановилась, устало отёрла вспотевший лоб, и, тяжело дыша, оглядела поверженную тройцу.

– Хрен тебе, дура, – зло бросил зазывала, – лучшего плясуна сморила!

– А вот и не хрен, – холодно отрезала Ида. – Хозяин ты своим словам или нет? Деньги на бочку! Отдавай мой выигрыш.

Однако, рыжий молча кивнул музыкантам и Даньку, отвернулся, и направился куда-то сквозь толпу.

– А ну, стой! – схватила его за плечо Ида.

Женщина оказалась выше его на полголовы, и теперь, гневно глядя в косящие глаза, требовала:

– Деньги давай, как обещал.

– А не то что? – издевательски прищурился он.

Толпа замерла, изнывая от любопытства, каждый боялся пропустить хоть одно слово из разгорающегося скандала. Из-за плотной стены людей к Иде пробирался Глеб, окликая её.

– А не то я из тебя душу вытрясу, – отчеканила Ида.

Сейчас она твёрдо верила в то, что сделает это, не задумываясь. Обычно она предпочитала не ввязываться в подобные ситуации, но теперь её разбирала злоба. К тому же, хмель ещё не совсем выветрился и пульсировал в висках. Глеб, наконец, прорвался сквозь толпу и шагнул к Иде.

– Дура! – презрительно рассмеялся зазывала. – Мизгирю угрожать вздумала! – Скворец, Зяблик, Данько! Чего расселись?

Музыканты и плясун неохотно поплелись за хозяином. Проходя мимо, побеждённый Данько одарил Иду таким ненавидящим взглядом, что та чуть не сгорела на месте. Скворец и Зяблик, однако, даже немного улыбнулись ей. Женщина буквально почувствовала, как деньги утекают из рук, и вдруг эти самые тонкие женские руки схватили щербатого за ворот засаленной рубахи и даже немного приподняли над мостовой. Ираида с силой тряхнула Мизгиря, мощно у того выпала прямо ей под ноги.

– Скупой платит дважды, – бросила она, отпуская возмущённого мужика, и поднимая тяжёлый кошель.

Щербатый взвизгнул, как раненая выпь, и бросился отнимать честно заработанное.

– Отдай, потаскуха! – вцепился он в Идин пояс. – Отдай мои гроши!

Прижимая мошну к груди, женщина с отвращением видела, как вокруг головы зазывалы радостно пухла чёрная туча. Она быстро и жадно наливалась гадким свинцом с каждым выкрикнутым ругательством и оскорблением. Глеб застыл рядом с женщиной. Взгляд его, очевидно, также был прикован к мерзкой опухоли, заслонившей лицо и шею мужичка.

Ида молча выгребла из кошелька треть монет и бросила оставшееся Мизгирю:

– Это я заработала.

Взяв озадаченного Глеба за руку, она протолкалась сквозь толпу, оглянувшись всего раз. Щербатый суетливо прятал за пазуху похудевшую мошну, гадкая туча над его головой заметно поблекла. Музыканты и Данько с уважением смотрели Иде вслед.

Глава 7. Возвращение кота

*Там гуляет важный котище усатый,
Пьёт он молоко и не ловит мышей.
Самый настоящий кот говорящий,
А на цепи сидит Горыныч Змей.
Приходите в гости к нам,
Кот про всё расскажет вам.
Потому что он видел всё сам.*

Ю. Ким, «Там, на неведомых дорожках».

Двухэтажная «Лодья» полностью оправдывала своё название – узкая, как лодка, бревенчатая изба притулилась между выдавшей виды, покосившейся корчмой и глухой стеной чьего-то амбара. На коньке крыши деревянный петел тянулся к загорающим на бархатном небе звёздам.

Сонный владелец и впрямь был похож на свою сестру: такой же нос картошкой и врождённая флегматичность. При упоминании Пятунки он даже не обрадовался, а только молча кивнул, взяв по медяку с носа за ночлег на чердаке.

Однако, Глебу удалось его заинтересовать: выпросив у Иды два золотых, парень о чём-то долго препирался с хозяином, вызвав сначала его смех, а потом и громкое негодование. Впрочем, перебранка оказалась всего лишь торгом – шумным, но необходимым.

Когда друзья поднимались, Глеб тихо показал Иде точильный камень и два больших ножа с деревянными рукоятями, обмотанными кожей:

– Пусть теперь попробуют сунуться.

Комната оказалась крохотной, метров девять, не больше. Сквозь слуховое окно лился серебряный свет, в его сиянии темнели две лавки, прибитые к стенам.

– Мда... – вздохнула Ида. – Жилые площади нынче в цене...

Парень аккуратно промыл и перевязал плечо спутницы, в очередной раз помянув «выродков в багряном».

Крепко заперев хлипкую дверь на щеколду («даже припереть нечем!» – проворчала женщина), приятели отужинали пирогом и пересчитали наличность. В сумме получалось десять золотых, тридцать серебряных и семнадцать медных монет. Поделив на всякий случай деньги пополам, они решили устраиваться на ночь.

Глеб, свесив ноги, сидел на лавке и старательно точил новоприобретённые ножи, медленно водя камнем от рукояти к концу. Мерное «вжик-вжжжиик», наполняло комнату, разбавляя писк настырных комаров и треск сверчков за окном.

Ида лежала на другой лавке, жёсткость которой не смягчало ни сено, ни дырявые волосяники, и смотрела, как сквозняк треплет прозрачные тенёта на балках. Сквозь узкое окно в комнатухе ночь подвесила длинные лунные нити. Мелкие пылинки кружились в них, спеша спрятать волшебную пряжу до рассвета.

– Глеб?

– М?

– А утром мы что делать будем?

Парень отложил камень, провёл ладонью по лезвию.

– Дальше пойдём. Кота искать.

Затем снял сапог, срезал с голенища кусочек кожи и принялся доводить остроту ножей, водя по лезвию под острым углом и убирая выщерблины.

– Почему ты думаешь, что нам вообще надо куда-то идти?

– Я не знаю, где мы сейчас, куда перенёс нас кот... но я твёрдо уверен, что те ублюдки не отстанут. Я знаю, такие не отстанут просто так. Коту что-то надо от нас. Им что-то надо от кота. В любом случае такие ребята не оставляют свидетелей.

– Этот кот втянул нас в какую-то опасную авантюру! Никак не пойму, с чего ты взял, что я буду во всём этом участвовать?!

Глеб поднял глаза от ножа, блеснувшего в лунном свете.

– По-твоему, у нас есть выбор?

Женщина глухо заворчала: она не любила, когда её ограничивали в выборе.

– А я смотрю, Глеб, тебе нравится такая бродяжная жизнь!

– Уж всё лучше, чем была, – тихо ответил он, покрывив душой: на самом деле ему безумно хотелось увидеть и обнять Егора. Ну, или хотя бы просто увидеть.

Внезапно в воздухе загустилось облако, зазвенели невидимые колокольчики и на пол, застонав, прыгнул крупный рыжий кот.

– О! Смотрите, кто вернулся! – сыронизировала Ида. – Звезда Куклачёва! Отлично, рыжая морда... Для начала хотелось бы знать, кто эти маньяки? Нас, между прочим, серьёзно ранили. Когда ты отправишь нас домой, в конце-концов?

Рыжий подошёл ближе, и друзья заметили у него на боку огромный свежий шрам.

«Точно, и его ранили», – запоздало вспомнила Ида и покраснела.

Кот примирительно поднял передние лапы:

– Давайте-ка всё по-порядку... Я рассказываю, вы не перебиваете...

– Давай-давай, – охотно перебила Ида, – для начала: почему и как ты разговариваешь?

Рыжий расстроенно покачал головой:

– Ох, и давно же я не спускался к обычным людям, нельзя так долго ограничиваться общением с адептами!.. Даже с прошлым моим другом было проще договориться, чем с тобой, Ида... Правда, для этого пришлось надеть сапоги и ходить на задних лапах, но не в том суть...

У Ираиды отвисла челюсть. Глеб тихо охнул и уронил нож.

Кот, пользуясь замешательством, кивнул и продолжил:

– Итак... Я – один из шести Амэша-Спэнта. Моё истинное имя – Воху-Мана, что означает «Благой помысел». Если кратко и для вас – Хранитель. Остальные Амэша-Спэнта – Аша-Вахишта – «Лучшая праведность», Спэнта-Армаити – «Святое благочестие», Хшатра-Ваирйа – «Желанная власть», Хаурватат – «Целостность» и Амэрэтат – «Бессмертие» – много столетий назад добровольно расстались с телесной оболочкой и вознеслись к Всеблагому. Все вместе мы составляем священную шестёрку хранителей и заботимся о семи творениях Ахрамазда. Пятеро вознесшихся хранят небеса, землю, воду, растения, животных и пламень. Я же пекусь о людях... И божь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.